

В. Чаплыгин

**ПОВЕСТИ,
РАССКАЗЫ
И СКАЗКИ**

Жизнь и судьба (Горизонт)

Виктор Чаплыгин

Повести, рассказы и сказки

«ИП Каланов»

2020

Чаплыгин В. И.

Повести, рассказы и сказки / В. И. Чаплыгин — «ИП Каланов»,
2020 — (Жизнь и судьба (Горизонт))

Произведения, собранные в этой книге, писались мной в разное время. Это читатель почувствует, конечно, сразу. Морская тематика здесь потому, что с морем была связана моя военная служба и последующая работа. Что касается фантастики – она во мне с детства от прочитанных фантастических рассказов разных писателей, которые уносили меня в мечтах так далеко. А сказки меня просили рассказывать мои внуки, которых я очень люблю, и отказать им ни в чем не сумею. Но почему-то мои истории получаются не злыми, и это мне нравится. Надеюсь, и вам, мои читатели, придется что-то по душе.

© Чаплыгин В. И., 2020

© ИП Каланов, 2020

Содержание

Повести	6
На встречах курсах	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	22
Сложности простой жизни	24
Глава 1	24
Глава 2	27
Глава 3	32
Глава 4	38
Глава 5	41
Здравствуйте, Боги	45
Глава 1	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

В. Чаплыгин

Повести, рассказы и сказки: Три в одном

© Чаплыгин В., 2020

Автор: Виктор Иванович Чаплыгин.

Отставной офицер-подводник.

Активно печатается в издательстве «Горизонт» (Москва) в таких сборниках, как «Записки подводников» и «Морские досуги»

Повести

На встречных курсах

Глава 1

Лето 1935 года выдалось в Германии теплым и дождливым. После прохлады Москвы Сереже Берлин показался курортом, почти как в Ялте. Только нет моря и всюду марширующие нацисты, красные флаги на зданиях со свастикой и военные марши из репродукторов на площадях и в парках. Семья военно-морского атташе СССР Воробьева Н. А. прибыла в Берлин в полном составе. Жена Николая Андреевича – Глафира Никитична, женщина лет тридцати пяти – светловолосая, несколько полноватая, быстро нашла общий язык с местными «старожилами» – женами дипломатов СССР, которые уже несколько лет находились с семьями в фашистской Германии. Жена посла – Алевтина Федоровна – очень эффектная дама лет так сорока пяти, жгучая брюнетка, с большими синими глазами, пригласила сразу по прибытию к себе Глафиру Никитичну. Они беседовали почти час. И хотя Глаша была уже опытная «дипломатическая вторая половина» (прошли службу при атташе в Швеции), но здесь, в логове нацистов, она нуждалась в поддержке и наставлении.

– Вы, Глафира, не думайте, что здесь, в Германии, все так же спокойно, как в Швеции, – говорила Алевтина Федоровна, – здесь нужно быть очень осторожной. Вы, я знаю, хорошо говорите по-немецки – это важно. Старайтесь больше походить на немку и побольше помалкивайте в магазинах и на улице. Не поддавайтесь на провокации. Здесь часто на входе у посольства собираются ультраправые и могут задавать разные провокационные вопросы. Старайтесь уходить от этих расспросов. Ваши дети – у Вас ведь мальчик и девочка?

– Ну да, – ответила Глаша, – сыну четырнадцать, а дочке восемь.

– Так вот, Ваши дети будут ходить в немецкую школу. Кстати, как у них с языком?

– Сережа хорошо говорит и пишет на немецком, а Маша может общаться и начинает писать.

– Ну, это почти хорошо. С Машей Вам придется самой дополнительно позаниматься. В школе разные дети, в том числе дети нацистов, и сами они уже пропитаны нацизмом, поэтому нужно Сереже особенно подстраиваться к такому образу жизни, которым живут в школе. Правда, познакомится он и с двумя нашими девочками, которые ходят в эту школу уже год. Они дети наших работников. Муж Ваш, Глаша, на хорошем счету в МИДе, и Владимир Павлович очень рад, что именно его назначили военно-морским атташе к нам. Комнаты у Вас во флигеле посольского дома небольшие, но светлые и просторные, так что сегодня-завтра размещайтесь и знакомьтесь с городом, а вот послезавтра милости прошу к нам с супругом на «вечерний чай» к 20:00, – Алевтина Федоровна, улыбаясь, протянула руку Глаше. – Всего Вам доброго.

Глаша вернулась в квартиру, где ее встретил бой подушками – Сережа с Машей устроили себе развлечение.

– Ну-ка, прекратите! – цыкнула них Глаша. – Сейчас придет папа, и мы идем знакомиться с городом.

– Ура-а! – дети были в восторге от переезда и жаждали новых впечатлений и друзей.

Николай Андреевич вернулся от посла через час. Тот долго вводил его в курс дел, рассказывал о той обстановке, что сложилась в Германии на сегодня, и поставил задачи, которые предстояло решать новому атташе. Дел предстояло много, но нужно было и обустроиться, поэтому посол – Владимир Павлович позвал к себе водителя и попросил его до обеда покатасть семью Воробьева по Берлину, показать все достопримечательности. Водитель Анатолий, молодой человек лет тридцати, по-военному ответил «Слушаюсь!» и сказал Николаю Андреевичу, что ждет его внизу.

– Ну вот, Николай, вперед и с песней, – посол проводил до двери и пожал руку, – надеюсь, Берлин Вас удивит.

Дети дома с шумом бросились к отцу, наперебой спрашивая, куда они едут и что с собой брать. Глафира их быстро урезонила (так было всегда – папа добрый, а мама требовательная) и велела одеть то, что она приготовила им в комнате на стульях. Пока дети переодевались, Глаша подошла к мужу и обняла его:

– Ну, что там, у посла?

– Да ничего особенного. Много предстоит сделать и обстановка здесь гораздо хуже, чем там, где мы были. Завтра решим вопрос с детьми.

– Да я уже все почти порешала – с супругой посла.

– Вот ты умница, – похвалил ее Николай. – Я рад за тебя, что нашла общий язык с Алевтиной Федоровной, ты ведь помнишь, как нам ее охарактеризовал общий знакомый в Стокгольме?

– Да, она требовательная, но заботливая женщина, и не совсем, наверное, подходит ей характеристика. Впрочем, жизнь покажет... Ну вот, дети готовы – поехали!

Николай Андреевич подождал, пока семейство рассядется в «опель» и поприветствуется с водителем, а потом сам сел на сиденье рядом с Анатолием.

– Поехали, – и машина плавно тронулась, постепенно набирая скорость и вырывая на главную улицу Берлина.

Осенью Сергей поступил в школу, которая была недалеко от посольства. Тут же определили во второй класс и Машу. Хорошо, что в классе у Сергея были девочки – дочери наших дипломатов, а у Маши в классе было аж четверо таких детишек – одна девочка и три мальчика. Так что было, на кого опереться и о чем поговорить. Сергей быстро сошелся и с другими

детьми в классе благодаря своему немецкому. Постепенно жизнь семейства утряслась и вошла в ламинарное русло. Мама занималась домашним хозяйством и заботой о папе и детях, папа часто пропадал в командировках и на разных совещаниях.

Сергей не оставил своего увлечения, которым он занимался в Швеции – это парусный спорт. И здесь, в Берлине, он нашел единомышленника в своем классе. Рыжий мальчишка Курт с соседней парты оказался спортсменом на классе «Дракон». Он и привел Сережу в секцию. Тренер, довольно моложавый немец, не очень-то был настроен принять этого русского, но так как его привел сын самого фон Вебера – известного барона-адмирала, который уже два года как патронировал клуб, согласился зачислить Сережу. А когда увидел, как ловко он работает с парусом и выполняет все маневры, то возложил на него особые надежды и решил готовить его и Курта к серьезным соревнованиям. В их экипаж тренер ввел еще одного мальчика – своего племянника Рихарда.

Германия становилась все более нацистской. Гитлер окончательно прибрал в свои фашистские лапы это государство, и взбудораженное население, свято поверив в его добрые намерения сделать немцев счастливыми и богатыми, а главное – уверовав, что они особенная нация, всячески поддержало этого бесноватого негодяя. Менялось все и среди молодежи Берлина. Были отчислены из класса Сергея девочка и мальчик – евреи. Курт и Рихард записались в гитлер-югенд (нацистская организация для юношей Германии) и теперь не часто посещали парусную секцию – у них были дела поважнее. Сергей, как сын дипломата из СССР, вел себя осторожно в классе, старался быть доброжелательным и вежливым. Это защищало его от возможных нападков со стороны радикально настроенных ребят, которых в школе было достаточно. А Маша – она не понимала, что происходит, и ее круг малышни был все еще дружен.

Девочки – одноклассницы Сергея через полгода уехали домой в Ленинград. Теперь у него остался один товарищ в классе – Курт, потому что остальные пять ребят старались его игнорировать. Иногда Курт впадал в рассуждалки и говорил Сереже, что неплохо бы было, если бы СССР вместе с Германией выступили единым фронтом против Европы и США. Он верил, что Германия вот-вот станет великой и победит всех. Сергей понимал, что убедить Курта в невозможности такого союза он не может, поэтому отшучивался и переводил разговор на подготовку к соревнованиям. А они уже скоро.

На фоне подготовки Германии к Олимпийским играм 1936 года их регата получала статус особой важности. Тренер настаивал на том, чтобы мальчишки приходили не только в выходные дни, но и после уроков. Папа не возражал против такого распорядка, а вот мама была категорически против. Он совсем измотался – похудел, плохо кушает и стал намного грубее.

– А ты вспомни меня, – говорил Николай жене, – когда я учился в морском корпусе – успевал и учиться, и на свидание к тебе, и на соревнованиях на шлюпке, успевал с ребятами занять призовые места. Он у нас нормальный мальчишка – на следующий год оканчивает школу и вперед в военно-морское училище.

– Да что ты надумал, – возмутилась Глаша, – никакого моря – хватит и тебя мне. Пусть идет по дипломатической линии. У него получается ладить с людьми, и он умеет найти себя в любом кругу.

– Посмотрим, – улыбнулся Николай, и Глаша поняла, что у него и Сережи уже все решено.

Соревнования по парусному спорту были посвящены дню рождения Гитлера. На озере собралось много народа, военные, дамы и спортсмены. Был дан старт, и Сережа с друзьями рванули вперед. Ветер был хороший – весенний и немного пронизывающий. «Дракон» летел как никогда. Первый поворотный буй, второй. Они оторвались далеко от своих соперников, и финиш был предрешен. Потом был триумф – поздравления, венки чемпионам. После душа – Курт передал Сергею и Рихарду, что их ждет на обед его отец – генерал-адмирал Генрих фон Вебер.

Первый раз Сергей попал в обстановку, где все подчеркивало аристократическое происхождение этого семейства. После его воспитания в духе презрения к капиталистам и помещикам, ему было трудно понять, как такое может быть: в саду работает их личный садовник, в доме прислуга в передниках и камзолах. Даже в Швеции мальчик не видел такой роскоши, хотя бывал там в гостях у знатных семей.

Навстречу мальчикам вышел сам генерал-адмирал. Он был в черной морской форме, с наградами на груди. Широко улыбаясь, он приветствовал чемпионов, пожал ребятам руки и пригласил пройти в дом. Это был, скорее, замок. Огромные высокие потолки, по сторонам украшения в виде морских атрибутов (якоря, Нептун, картины, отражающие морские сражения, гербы). Поднимаясь по лестнице на второй этаж, Сергей увидел портреты всех предков Веберов. Многие из них были морскими офицерами. А один был на службе у русского царя, и на картине он был в русской морской форме.

Курт по ходу быстро рассказал все это товарищу, пока они шли к накрытому столу в центре зала. Их встретили гости аплодисментами и возгласами – «Хайль Гитлер». Над столом был развернут огромный военно-морской флаг Германии со свастикой. Среди участников торжества был и старший брат Курта – Альфред. Это был морской офицер в чине капитан-лейтенанта. Как сказал Курт, Вернер командует кораблем, не уточняя каким. Потом были тосты – за Гитлера, и все вскакивали и орали «Хайль!», и за чемпионов и возрождение германского военного флота. После употребления спиртного немцы пели песни и марши. Все это оглушило и как-то придавило Сергея, и, когда Курт провожал его к выходу из поместья, он выразил свое удивление этой роскошью и богатством.

– Наш род, – сказал Курт, очень древний, – у нас есть небольшая верфь, где строятся небольшие суда, и есть винодельческое хозяйство. Вот твоему папе от моего подарок, – и он протянул сверток, в котором, как оказалось, вино производства «Вебер» 1928 года.

Через два месяца Сергей собрался уезжать в Ленинград в военно-морское училище. Он окончил блестяще школу, и путь к поступлению в училище был открыт. Семейство оставалось, правда, в Берлине, а ему предстояло жить у бабушки, но ведь это ненадолго – потом в казарму.

На выпускном вечере много танцевали. Сережа с удовольствием кружил то с Гертой, то с белокурой Эльзой – они ему обе нравились. Потом на балконе, выпив по коктейлю с Куртом, они говорили долго о военно-морской службе – оба мечтали быть морскими офицерами. Курт направлялся в Киль, а Сергей – в Ленинград. Мальчики пообещали не терять друг друга и писать по возможности письма. А вечером другого дня папа, мама и Маша, которая очень расстроилась, провожали на вокзале Сережу на Родину.

– Пиши, сын, помогай бабушке, и удачи тебе, – отец обнял Сергея крепко, как никогда этого не делал. Мама поцеловала и попросила быть осторожным в дороге. А Маша – она прилипла к Сереже и не хотела его отпускать. Но проводник всех попросил в вагон, паровоз гудукнул и, окутав провожающих густым паром, ушел на восток.

Глава 2 Война

Германия неуклонно шла к войне. Отец Сергея – старший Воробьев это видел, как и многие в посольстве. Строились военные корабли на верфях, и их дедвейт гораздо превышал дозволенный Германией странами, победившими ее. Начали строить подводные лодки и готовить экипажи. Николай Андреевич докладывал послу свою информацию практически каждый день, и тот, конечно, понимал, что происходит в Берлине и во всей Германии, но, зная политику СССР по отношению к этой проблеме, не спешил с докладом.

Воробьев, конечно, информировал о происходящем и свое руководство флота. Командующий – адмирал Кузнецов Николай Герасимович воспринимал его доклады по-своему: он

уважал мнение атташе и понимал, что война неизбежна, поэтому, как никто из военного руководства СССР, принимал меры к боевой готовности флота. Это потом и показало себя в первый день войны.

А пока шел 1939 год, и Сережа оканчивал четвертый курс училища им. М. В. Фрунзе. Училище Сергею понравилось сразу. Это было старейшее военно-морское учебное заведение, оно было основано еще Петром I и с тех пор под разными наименованиями ежегодно выпускало офицеров для ВМФ. Имя полководца Гражданской войны училище получило в 1926 году. Впереди была практика, а там скоро и выпуск. Он уже принял решение о дальнейшей службе – на подводные лодки и желательно на Север. В этот вечер, последний выходной день перед отправкой на практику в дивизию ПЛ в Полярный, он с друзьями пошел на танцы. В холле училища было многолюдно, звучала музыка и кружились пары. Курсанты – в основном старшекурсники, кто со своей подружкой, кто в свободном полете – отдыхали от экзаменов, окунувшись в запахи духов, начищенных ботинок и в атмосферу веселую и зовущую. Сережа с другом Сашей заметили двух девушек, одиноко стоящих у колонны. Одна – повыше, в светлом платье, красиво подчеркивающим ее фигурку, со светлыми волосами и каким-то грустным выражением лица. Вторая – пониже ее ростом, темненькая, в красном платье, очень идущем к ее большим темным глазам – улыбалась и что-то рассказывала подружке, теребя край своего платья.

– Давай подойдем, – Саша потянул за рукав Сергея в сторону девушек. – Твоя повыше, моя темненькая.

Они подошли, и Саша сразу предложил девушке с ним потанцевать. Та, взглянув на подружку, смело пошла с Сашей, держа его за руку. Сережа остался наедине со светловолосой девушкой. Она посмотрела на него своими большими серыми глазами и тихо спросила:

– Мы с Вами идем танцевать?

– Конечно, конечно, – засуетился Сережа, честно говоря, несколько обалдев от красоты этой девушки. Он осторожно взял ее за руку, и они влились в круг танцующих.

– Как Вас зовут? – спросил его тихий голос.

– Сергей, – ответил он, ведя ее в вальсе.

– А меня Полина.

– Очень красивое имя, – произнес он.

– А что Вы так стесняетесь, Сергей?

– Да нет, я просто никогда не встречал такой, как Вы.

– Какой такой? – глаза смотрели на него в упор не мигая.

– Я думаю, что Вы очень красивы.

И вдруг она рассмеялась:

– Это Вам кажется, а вот включат полный свет, и Ваши представления обо мне рассыпятся. Танец окончился, и парни проводили девушек к местам, где они их пригласили, и представление о Полине у Сергея ничуть не изменилось – она была красавица. Потом были еще танцы и еще, но за полчаса до окончания вечера девушки заспешили домой, и курсанты пошли проводить их. Теперь они знали, что обе они – будущие инженеры-строители, обе ленинградки и живут недалеко. Наспех обменялись адресами и попрощались у ворот КПП.

Саша не закрывал рот, так ему понравилась Аня, темноволосая девушка. А Сергей кивал и помалкивал, он чувствовал, как в его сердце входит новое чувство, и он его пока не мог назвать правильно.

Со своим берлинским товарищем Сережа не переписывался. Хватило и того, что его долго мурьжили особисты за учебу в Стокгольме и в Берлине. Но все сошло как сыну дипломата. Но при очередной встрече с отцом (а они приезжали к нему прошлым летом) он поинтересовался, не знает ли тот судьбы Курта. Николай Андреевич рассказал сыну, что у него была встреча с отцом Курта – генерал-адмиралом Вебером на совещании по сотрудничеству. И тот сам подошел к нему и интересовался, чем занимается друг его сына. Воробьев-стар-

ший коротко сказал, что Сергей выбрал военно-морскую карьеру. Это обрадовало Генриха, и он с удовольствием рассказал, что Курт учится в Киле. Будет продолжать традиции баронов Веберов. Николай Андреевич знал, что в Киле производится подготовка подводников, хотя немцы это отрицали и говорили о школе противолодочной обороны. Адмирал многозначительно посмотрел на Воробьева, и оба понимали, что им все ясно, о чем речь.

Да нацисты не очень-то уже и скрывали свои военные приготовления. Уже была захвачена Австрия и на кону стояла Чехословакия. Адмирал просил от имени Курта передать большой привет Сергею, что старший Воробьев и сделал.

В воздухе все сильнее пахло войной. СССР отвоевал с японцами на востоке, присоединил Западную Украину, а фашистская Германия захватила Чехословакию и Польшу, их войска высадились в Норвегии. Шла война СССР с Финляндией. Курт, как истинный нацист, был готов на все ради будущего Германии. Учеба давалась ему хорошо, и уже не за горами был выпуск. Он выбрал судьбу подводника. Боевые успехи Германии в Первой мировой войне не давали ему покоя, и он мечтал о более высоких победах. Строились новые подводные корабли и готовились экипажи для управления ими. Преподаватели прямо говорили курсантам, что им предстоит воевать с Англией, США и с русскими. Боевой опыт этих стран также входил в курс подготовки офицеров-подводников Кригсмарине.

На последнем курсе училища Курта познакомили с будущей невестой – Марта была из семьи Розенбергов, тоже баронесса. Девушка оказалась красивой и умной. Курту понравилось то, что она практически не говорила о политике. Они через два месяца обручились. Невеста согласилась сделать свадьбу через год после выпуска из училища Курта. Так он решил. За год, он считал, наберется уже опыта и в службе, заработает авторитет, и вот в первый отпуск и сыграют свадьбу. Марта сильно не заморачивалась – ведь и Курт ей по-настоящему нравился, да и ей еще нужно было окончить образование в Берлинском университете. Марта училась на историческом факультете, и ей с ее способностями предрекали большое будущее. Ей очень нравилось копаться в истории Германии, и она мечтала сделать настоящее открытие, которое докажет всему миру то, что немецкая нация – самая достойная на Земле. Да, нравы тогда были у них такие.

В 1940 году Сергея назначили на подводную лодку типа «К» № 4 на Северный флот. С Полиной он так и переписывался, и это уже была настоящая дружба, уже овеванная любовью. Полина провожала его на Север на вокзале вместе с его бабушкой – Феклой Афанасьевной. Совсем уже старенькая, женщина все-таки пришла проводить внука. Когда еще свидятся? Обняв их обеих, он пообещал написать и прыгнул в вагон.

– Полина! Проводи бабушку домой, хорошо?

– Да! Конечно! – ответила девушка и приобняла Феклу Афанасьевну. Та вытирала слезы платочком.

– Вот и младший внук уже вырос, – сказала она. – Бог ему в помощь и счастливого пути. Ну, пойдем, сопроводи меня, а заодно и расскажи о себе – чай теперь не чужие мы уже.

Подводная лодка U-2 находилась в водах Северного моря, когда был получен приказ атаковать корабли и транспорты, идущие под Британским флагом. Так для лейтенанта Курта Вебера началась война.

Уже в 1942 году он, получив звание обер-лейтенанта, после кратких курсов был назначен командиром подводной лодки U-5, которая прошла испытания после схода со стапелей. Экипаж был неопытный, но тоже прошедший подготовку в учебном центре. Курт, уже как опытный офицер-подводник, имеющий боевой опыт и участвовавший в потоплении судов и кораблей противника, видел все слабые стороны подготовки экипажа. Но, имея на борту еще двух опытных офицеров и трех унтер-офицеров с опытом службы на ПЛ, он надеялся быстро привести корабль в боевое состояние. На все про все ему дали всего три недели. Им предстояло совершить боевой переход в Норвегию.

Утром 22 июня 1941 года посольство СССР в Берлине было окружено эсэсовцами, а послу официально объявили о начале войны. Министр иностранных дел Германии Риббентроп что-то юлил, говорил, что он этого не хотел, но решение принято. Посольство необходимо было эвакуировать. Но фашистам было не до соблюдения международных норм и правил. Дипломаты и их семьи были все интернированы. Женщин и детей погрузили в грузовые машины, взять с собой можно было только необходимое, и отвезли в концлагерь – сказали временно, пока не подойдет эшелон. Мужчин дипломатов и персонал вывели на улицу, где они долго ждали под охраной какого-то решения. Посол выражал категорический протест такому обращению, но все было тщетно. Несколько человек из дипломатов увезли в неизвестном направлении. Как потом оказалось, на допрос, где их избивали за то, что они сожгли важные документы и только тогда открыли немцам двери в спецпомещение.

Николай Андреевич был среди них. Удивительно, но на третий день их избивать прекратили, более того к ним зашла медсестра и сделала перевязки. Вечером всех четверых вывели во двор участка. Товарищи попрощались, не надеясь на лучшее. Но все оказалось не так. Во двор заехал «мерседес». Из него вышел одетый в морскую форму военный и что-то передал начальнику охраны. Тот вскинул руку и отошел в сторону. Офицер подошел к дипломатам и на ломанном русском произнес.

– Господа! Генерал-адмирал Вебер предлагает вам садиться в машину без раздумий – мы вас отвезем на границу с Швейцарией.

Все набились в машину, и та рванула с места. Николай Андреевич спросил:

– А как наши семьи, где они?

– Не переживайте, они уже в поезде, который идет в Сербию. А оттуда их отправят в Турцию. Там вы, надеюсь, и встретитесь. Вас обменяют на наших дипломатических работников. Герр Вебер просил извинения за такое обращение, но поймите – эсс.

Они проехали за ночь много километров, остановились лишь один раз, и вот граница со Швейцарией.

Ленинград с началом войны посуровел и превратился в город-крепость. Многие заводы эвакуировали. Но многие еще работали. Окраины улиц закрывались противотанковыми заграждениями и баррикадами из мешков с песком. Комендантский час и патрули на улицах ночью. Много военных – строи шагают на позиции. Завод, на котором работали родители Полины, тоже готовился к эвакуации, как и университет, который девушка оканчивала в этом году.

Война ворвалась в Ленинград рано сентябрьским утром разрывами бомб и воем самолетных моторов. Флот первым начал отражать атаку с воздуха, за ним подтянулись войска и летчики. Много разрушений и погибших мирных людей. Налеты повторялись весь день. Рядом с домом Полины горел дом, где жили ее друзья. Жар стоял сумасшедший, пламя било из окон, и пожарные никак не могли сбить его. Мама Полины была на работе в ночную смену, папа был дома. Они наспех оделись и выбежали на улицу. Рядом с домом пожарные уложили несколько обгорелых трупов. Это было ужасно!

За углом дома Полина увидела свою подругу Аню – та сидела на корточках и рыдала взахлеб.

– Анечка, ну что ты? – Полина подняла подругу и, обняв, повела в свою парадную, не зная, чем утешать и что говорить еще. Уже дома, попив воды, Аня рассказала, что ее мамы нет и нет собаки Борьки. Что-то грохнуло – она проснулась и увидела, что половины квартиры нет, а там была мамина кровать. Аня выбежала по горящей лестнице на улицу и там увидела ужасное – мама лежала вся в крови и рядом Борька. Она пыталась поднять голову матери, но та уже не дышала. Потом приехала неотложка и увезла всех погибших в морг.

– Как теперь мне жить, Поля? – Аня вся дрожала.

– Будешь пока у нас – сиди здесь, а я пока узнаю, как моя мама, – Полина пошла к соседям позвонить на завод.

Свадьбу Сергей и Полина сыграли в Ленинграде скромную. Это был его отпуск, и при помощи друзей они сумели все оформить в ЗАГСе. Свидетелями пошли Саша и Аня, которые тоже собирались жениться вскоре. А на фуршете, который состоялся в квартире родителей Полины, со стороны родственников Сергея была только бабушка – его родители не смогли тогда приехать. А потом был медовый месяц – протяженностью 5 суток, потому что Сергея вызвали из отпуска на службу. Командующий Флотом СССР Н. Г. Кузнецов чувствовал накал событий и решил держать флот наготове. Тогда многие не догуляли своих отпусков.

Полярный немцы бомбили ночью в три волны. Первые бомбы разорвались у причалов, затем попали в дома горожан. Но готовность была высокая, и сразу враг получил отпор зенитками, а в воздух поднялись истребители. Сергей, в момент налета был на вахте – дежурил по кораблю. Сразу поняв, что происходит, он дал команду готовить лодку к отходу. Вахта приступила к выполнению приказа. Прибежал рассыльный и передал приказание командира бригады – отправить посыльных для сбора офицеров и сверхсрочников на корабль. Когда на лодку прибыл командир и остальные члены экипажа, уже были прогреты и запущены дизели и подготовлена швартовая команда. Командиров собрали в штаб, а лодки приготовились получать необходимое снабжение, хотя флот был готов к такому повороту дел, и последние дни половина экипажа находилась на борту постоянно. Да и припасы пополнены, и торпеды на месте.

Начались боевые будни подводников. Лодки уходили на поиск врага для его уничтожения, для обеспечения прохода конвоев, везущих грузы в Мурманск. Согласно программе, которую приняли западные страны с СССР – ленд-лиз, арктические конвои начали действовать с августа 1941 года. Транспорты с оружием и продовольствием формировались и выходили под охраной военных кораблей из порта Гринок (Шотландия) и из оккупированной Британией Исландии. Всего за годы войны было проведено 78 конвоев, – это 1700 транспортов – помощь для СССР существенная. Однако много судов было уничтожено фашистской авиацией, подводными лодками и надводными кораблями. Для защиты конвоев Северный флот направлял постоянно свои подводные лодки и корабли. И, надо сказать, это было эффективно.

Сергей Воробьев, штурман К-...4, уже не раз был в походах. На счету лодки несколько транспортов противника и один эскадренный миноносец. Командир лодки капитан 3-го ранга Лапин Петр Владимирович за год войны приобрел авторитет среди своих товарищей по оружию и у командования. Но главное – ему верил экипаж, и его любили по-сыновьи. Командира этой лодки все звали «везунчиком» – были у него случаи, когда лодка чудом ускользала от преследования эсминцев врага после своей удачной атаки. Но командир знал, что без его слаженной команды и опытных спецов никогда бы не выбраться из переделок. Конечно, доля правды была – ему везло, но это было процентов на 10. Повезло ему со штурманом. Воробьев-младший вписался сразу в экипаж. Он пришел на место заболевшего офицера, прямо перед выходом на учения. Командиру ничего не оставалось, как принять лейтенанта и идти с этим неопытным юношей в море. Но и помощник, да и он сам всегда смогли бы помочь Сергею в штурманском деле. Но все оказалось проще. Сережа показал себя специалистом высокого класса. Ни одной ошибки по карте и прокладкам. Все аккуратно и быстро.

Воробьев хорошо подружился с командиром торпедной боевой части – старшим лейтенантом Маловым Василием и командиром дизельной группы Самойловым Игорем. Малов был родом из Москвы, по возрасту почти как Сергей и холостяк. Игорь же был постарше. Женат, у него был сын, и семья была с ним на квартире в Полярном. На базе они жили в одной каюте на ПКЗ. В том первом походе на учебных торпедных и артиллерийских стрельбах и Василий со своей боевой частью отличился, и Сергей со своими тремя подчиненными был отмечен командиром. А по прибытии на базу вечером они долго не могли уснуть в каюте и вели разговоры на разные темы. Конечно, мечтали о карьере, о службе и личной жизни.

У Василия была девушка – она из Подмосковья. Когда-то на даче познакомился – их село рядом с дачным поселком было. Василий показал фотографию – полненькая девушка с короткой стрижкой, светлые волосы и веселый взгляд.

– Мы уже несколько лет знакомы и, наверное, на следующий год поженемся, – сказал Вася и разгладил своими могучими руками фотографию. Самойлов над ними посмеивался и проводил нравоучения по семейной жизни не хуже замполита. Но все это было по-доброму, и никто друг на друга не имел обид. Игорь часто занимал деньги у друзей-холостяков – потребности семейной жизни требовали затрат.

Год в войне показал, что флот умеет защищаться и нападать на врага. Были потери: за войну, надо сказать, из лодок типа «К» Северного флота осталась лишь одна – теперь она на почетном причале в Североморске. Это К-21, командира Героя СССР Лунина Н. А. Не дождалась жена и невеста друзей Сергея – над ними сомкнулись ледяные волны Арктики.

В конце 1942 года младшего Воробьева отправили на курсы, и вернулся он на флот уже на должность старпома на лодку типа Щ-...5. Уже в первом боевом походе Воробьев младший был отмечен командиром как грамотный офицер, умеющий принимать решения и хладнокровно выполняющий свой долг перед Отечеством. А уже во втором походе Сергей заменил командира в рубке при атаке на вражеский эсминец. В артиллерийском бою командир был ранен в грудь, и Сергей, приняв на себя командование получившей повреждения от вражеских снарядов подводной лодкой, сумел уйти от снарядов врага и, развернувшись кормой, взорвал корабль противника торпедным залпом. Лодка еле дошла до базы, но дошла!

Семьи дипломатов СССР, эвакуированные из Германии, собрались в Стамбуле через месяц после начала своих непростых приключений. Николай Андреевич нашел свою семью. Глаша вообще уже смирилась с мыслью, что он погиб. Одно ее утешало и поддерживало – нужно сбересть Машу и как там Сергей? Поэтому, когда Воробьев-старший вошел к ней в комнату гостиницы, она просто упала ему на руки, потеряв на минуту сознание. Уже через два дня они все были в Баку. А еще через неделю прибыли в Москву. Там Николая и остальных членов дипмиссии в Германии пригласили в МИД, а Глаша из гостиницы попыталась узнать судьбу мамы Воробьева и Сергея. На удивление, несмотря на бои вокруг Ленинграда, связь еще работала. Она дозвонилась до коммуналки на Васильевском, где жила Фекла Афанасьевна. Она взяла сама трубку.

– Глаша, Глашенька! Как я рада, что тебя слышу. У нас здесь страшно, но я не уеду никуда. Как будет, так и будет. Сережа на Севере. Он старпом, подводник. Только вчера получила письмо. Пиши его полевую почту, – и она продиктовала. – Да, Глаша, у Сережи девушка, очень хорошая – Полина, она меня навещает. Ой, извини, привет Коле и Машеньке, воздушная тревога. Потом поговорим.

Не могла предположить Глаша, что этот разговор с Феклой Афанасьевной будет последний – бомба полностью разрушила ее дом, погубив всех жильцов, они не успели уйти в убежище. Война пожинала свой урожай. Ленинград оказался в блокаде. (900 дней и ночей под постоянными бомбежками и артогнем гражданское население города и воины армии и флота отстаивали город революции. Люди умирали от голода и холода, полуживые, они тушили пожары, производили ремонт оружия и техники, многие рабочие взяли в руки винтовки и вместе с воинами сражались на подступах к Ленинграду. И Полин папа был в их рядах. Много тысяч полегло героев в этой борьбе. Вечная им всем Память и Слава!)

Николая Александровича назначили на должность заместителя командира полка морской пехоты, и он уехал с пополнением через неделю на Карельский фронт. (Так было со многими дипломатами – они сражались в разных боевых частях, и многие сложили головы.) Глафира с Машенькой остались в Москве, где их любезно приютила жена посла – Алевтина Федоровна. Ее мужа направили командовать дивизией на подступах к Москве, и квартира была пуста, а одиночество было невыносимо. Она же порекомендовала Глашу на работу на автоза-

вод, а Машу устроила в школу. Своих детей у них с Владимиром Павловичем не было, поэтому она как-то сразу приняла обязанности и мамы, и бабушки для Маши. Так будет до ее смерти. Мир полон добрых людей, просто они не видны до поры до времени. Но уже было легче, хотя и страшнее. Были адреса полевых почт и приходили письма. И Глаша писала почти каждый день, хотя с работы приходила поздно, уставшая (должность у нее была – выметать за токарями стружку), а еще нужно и с Машей побыть. Хорошо, что Алевтина Федоровна так заботится, и Маша в ее руках.

Письма с флота и с фронта приходили не часто и с большими задержками. Но всегда это сначала был страх, а потом неудержимая радость, что родные люди живы. Маша рисовала картинки и папе, и брату и тоже дописывала в письме свои пожелания. Так шло время.

О гибели бабушки Полина написала Сергею не сразу. Не хотела его огорчать, но потом подумала, что лучше правда. А Сергей дал ее адрес маме, и Полина ответила на письмо Глаши. А было что писать: она с мамой и с Аней эвакуировались в Свердловск вместе с заводом. Полина записалась в школу фельдшеров, и вскоре должна быть направлена на фронт. Она просилась конкретно в госпиталь в Полярный. Но как будет, так и будет.

Подводная лодка Курта Вебера уже несколько дней находилась в волчьей стае на пути конвоя из Великобритании. Несколько немецких подводных лодок выстроились в линию на пути конвоя. Ждали, и при обнаружении одной лодкой кораблей и судов та отправит сообщение в Центр, а тот даст команду остальным атаковать. Атаковать рекомендовалось вместе.

– Шум винтов справа 30,– акустик взволнованно доложил командиру. Курт уже и сам видел в перископ приближающийся конвой. Охрана – три эсминца и один крейсер. Самолетов нет – они должны поддерживать суда с воздуха, когда те подойдут ближе к берегу. Свинцовые воды декабрьского норвежского моря высоко поднимали лодку, грозя выдать противнику.

– Погружаемся, глубина – 50 метров. Курс...

На лодку шел один из эсминцев. Курт атаковал первым. Две торпеды из трех выпущенных взорвали корабль англичан. Он видел в перископ, как был подорван и один из транспортов – он раскололся пополам. Люди гибли в холодных водах Арктики. Никто их не спасал. Корабли охранения начали охоту за подводниками, убившими их товарищей. В ход пошли глубинные бомбы. Лодки фашистов рассеялись и погрузились на глубину, в надежде уйти от преследователей. Не всем удалось – в базу вернулись из пяти лодок только три. Лодка Курта по пути домой торпедировала еще один транспорт, видимо, оставшийся без хода после атаки соседей Курта. Вебер дал команду всплыть и нанести удар артиллерией. Комендоры дали по транспорту пять выстрелов, и он начал гореть и валиться на правый борт. Было видно, что люди сбросили две шлюпки и пытаются отгрести как можно от тонущего судна.

– Командир, – унтер-офицер-комендор обернулся на стоящего в рубке Курта, – давайте грохнем этих тварей!

Но Курт приказал – всем вниз к погружению. Старпом Пауль осуждал Курта за мягкотелость по отношению к людям, пытающимся спастись после торпедного или артиллерийского удара по транспортам противника. Он считал, что это нормально – поправ все нормы конвенции уничтожить личный состав погибшего корабля. Но уже не первый раз Вебер проявлял лояльность. Пауль на базе постоянно докладывал командованию о поведении Курта, но те, зная, что генерал-адмирал фон Вебер на хорошем счету у гроссадмирала Демица, оставляли эти доклады без внимания.

После трех походов, правда, Пауля перевели на другую лодку. Курт был на очень хорошем счету, и папа им очень гордился. Он всячески старался способствовать продвижению сыновей, и что-то ему удавалось. Так, его старший уже был командиром нового крейсера и командор. А Курт и сам сумел за короткое время добиться много – он командир передовой лодки. У него уже пять транспортов и два корабля противника на счету. Награжден рыцарским крестом с дубовыми листьями и представлен на прием к гроссадмиралу. Впрочем, такой прием

назначался всегда перед назначением на какую-то новую должность или в связи с получением задания особой важности. И Курт понимал, что не зря его отправили в Берлин, а экипажу дали возможность подлатать лодку и отдохнуть в Норвегии.

Шел 1944 год, и на фронтах для Германии все складывалось плачевно. Советские войска давили всюду. Уже война подкатилась к границам рейха. Ну, никак многие немцы не ожидали такого и все еще надеялись на чудо и Гитлера. А Гитлер бесновался дальше. Наверное, он уже понимал, что конец близок, и жестокости с населением при отступлении возрастали. Истреблялись люди в концлагерях, сжигались села и уничтожались достоинства человечества.

Флот фашистов не отставал от наземных и воздушных войск. Ставили мины в портах, торпедировали мирные и санитарные суда с ранеными. И если на земле это была политика выжженной территории, то на море политика уничтожения всего, что увидел на плаву не под флагом рейха.

События на Севере – начало наступления советских войск на Норвегию, лишившие немцев многих военно-морских баз – заставили Демица придумывать способы нанесения урона советам там, где они не могли оказать серьезного сопротивления. Так появился план «Укус осы» – рейды ПЛ и эсминцев в Карское море, в устье Оби, Енисея и Лены. На одном из островов в Карском море была сформирована тайно за год база. Там были запасы топлива, продуктов и оружия, одежды и радиостанции. Теперь нужно было открыть операцию и уничтожить советские суда в этом районе, а заодно и наносить удары по портам и населенным пунктам побережья. Наводчиками в таком случае выступали немцы, которые были переселены в эти края. Не все, конечно, но находились среди них пособники фашистов. Сюда забрасывали и диверсионные группы, которые высаживались с подводных лодок и с кораблей. У них были и средства связи, и необходимое оружие, и они поддерживались местными предателями.

Прием в штабе Демица был устроен скромный. Учитывались последние поражения немцев и экономия средств. В зале было человек пятнадцать командиров-подводников. Присутствовали и офицеры штаба, и инспекторы. Так здесь Курт встретил своего отца – старшего Вебера, который возглавлял в то время инспекцию «Север». После торжественной части и вручения наград состоялся небольшой фуршет, на котором произносились речи и тосты, конечно, за фюрера и Германию. На завтра была назначена встреча тет-а-тет гроссадмирала и Курта Вебера.

После фуршета отец увез его домой к жене. Марта радовалась, как ребенок, этому неожиданному отпуску мужа. Она была на пятом месяце и очень гордилась, что у нее скоро будет ребенок. Гордилась она и мужем, его наградами и успехами. Одно пугало – очень много подводных лодок погибло за это время.

Генерал-адмирал утром благословил сына на встречу с Демицем и посоветовал больше молчать и слушать и, кроме того, если это будет что-то супер-секретное, то чтобы Курт его все-таки посвятил. Попрошавшись, младший Вебер шагнул в «мерседес».

Демиц начал издаലെка. Он расспросил о состоянии подводной лодки, которой командовал Курт. Интересовало его, и как долго он находился в море, и как чувствует лодка себя на предельной глубине. Кроме этого, гроссадмирала интересовали настроения экипажа. Как относятся к гибели товарищей и сегодняшнему положению Германии.

Курт докладывал кратко и емко. Демицу явно нравилась манера ответов Вебера. Когда все было выяснено, командующий спросил, как себя чувствует отец Курта – не жалуется ли на усталость?

– Что Вы, папа в силе и очень настроен по-боевому.

– Верю и сам вижу. Хорошо. Курт, теперь к важному – это секретно...

Сергея вызвали в штаб флота в июне 1944 года. Он уже два месяца исполнял обязанности командира лодки, которая стояла в ремонте. По дороге в штаб Воробьев младший ломал голову – что за причина вызова. Вроде, не провинился и с назначением на командира – нет свободных

вакансий – его командир должен был вот-вот выписаться из госпиталя. Может, дома что? Весь в тревоге он вошел в штаб. В коридоре он встретил своего однокашника по училищу – командира эсминца – Гиви Беридзе. Тот, широко улыбаясь, приобнял Сергея:

– Что, и тебя сюда?

– Как видишь. Только не знаю, зачем.

– Да и я в таком же положении – в непонятии. Ну, я думаю, дорогой, все узнаем скоро.

Они доложили адъютанту командующего, и через минут пять их обоих пригласили в кабинет адмирала.

Глава 3

Особое задание

После доклада о прибытии, адмирал пожал им руки и пригласил присесть к столу. За столом сидели начальник разведки флота, начальник штаба, командир бригады ПЛ, командующий авиацией флота и еще двое гражданских.

– Вот знакомьтесь, товарищи, – наши передовые командиры, – Сергей вскинул брови и хотел что-то сказать, но командующий рукой остановил его. – Вы, капитан-лейтенант Воробьев, назначены на новую лодку Щ-...7 командиром сегодняшним приказом. Завтра сдадите дела и примете корабль. Звание Вам присвоено вместо награждения орденом – их у Вас уже хватает, – командующий улыбнулся и дал слово начальнику штаба. Разговор затянулся дотемна.

Задача была сложная и опасная, но она помогала флоту и армии защитить тылы от вылазок фашистов.

– Вам придаем еще тральщик и буксируемую баржу с продуктами, боеприпасами и топливом. Познакомьтесь с нашими помощниками, – он попросил подняться людей в гражданской одежде. – Это Алексей Пермяков и Федор Рокотов, местные жители и сотрудники «Смерш». Один пойдет на эсминце, второй на подводной лодке. Они обеспечат связь с местным населением и будут выявлять негодяев. Оба имеют звание майор. Условия, в которые вы попадете, непростые и по навигации, и по штурманским проводкам – не все известно по глубинам. И главное – мы точно не знаем, какие силы враг сумел оставить в устье Енисея. Конвои, идущие на восток и обратно, мы обеспечили эскортом из эсминцев, самолетов полярной авиации и вооруженных ледоколов. Кроме этого, работают полярные патрули. Вам в их работу не вмешиваться и только в крайних случаях, о которых вам потом расскажут, вы имеете право выйти с ними на связь. В районе Маточкина Шара и в ряде других мест немецкие подводные лодки безнаказанно уничтожили полярные станции и навигационные посты. Вам предстоит покончить с ними. Да, вас смогут поддержать с воздуха два самолета – мы их выделили из резерва, летчики – опытные полярники. Шифры связи получите от разведки. Ну, вот и все. Как усвоили?

– Так точно, – в один голос ответили оба командира.

– Так что нам на запад, а вам, ребята, на восток – там тоже война не окончена.

Когда вышли из штаба, моросил холодный дождик, и небо было затянуто тучами.

– Погода нелетная, заходи ко мне в гости на корабль, хорошим чайком угощу, – Гиви так хотелось угостить друга. – И знаешь, ко мне прислали полуроту морского десанта, и медицинский персонал с кучей медицинского барахла. Думаю, это для нас зачем-то. Вот, честно говоря, врача запомнил, а девушку не разглядел.

– С ними больше замполит в курсе... – Они перекурили и разошлись в разные стороны. Выход, сказали, будет назначен в любое время. Сход на берег запрещен с завтрашнего дня. Завтра предстояло пополнить запасы, получить шифр и ждать приказа.

На борту лодки его ждало письмо от Полины, она сообщила, что получила назначение и выезжает на фронт. Просилась на север, но направили на Балтику. «Как жаль, – подумал

Сергей, – ведь могло же повезти». Но везение – дело такое. А Полину на следующий день после назначения вызвали в Управление разведки, и оттуда она на следующие сутки получила направление на Север в бригаду морской пехоты. Душа ее радовалась – она летела к нему, к мужу!

Две подводные лодки немцев уже которую неделю хозяйничали в Карском море. Была уничтожена полярная станция, и никого не оставили в живых. Потом Куртом был потоплен тральщик из сопровождения конвоя.

Правда, и им досталось. Лодка, которой командовал Ганс Дитер, получила серьезные повреждения, и сейчас они пытались ее привести в себя на базе на острове Мун. Здесь еще с прошлого года была организована база в укрытой бухте. Глубины позволяли заходить лодкам и баржам. Была посадочная полоса для самолетов. Построены причальная стенка и помещения в скалах. Электростанция обеспечивала энергией, запасов топлива было достаточно для заправки как станции, так и кораблей. Базу охраняли переодетые в полярников эсэсовцы – около роты. Из них же формировались диверсионные группы для совершения преступлений на советских базах и в поселках. Только однажды базу чуть не раскрыли случайно зашедшие в их сторону рыбаки, но им не суждено было вернуться домой. Увидев людей на острове, рыбаки приняли их за сотрудников полярной станции и решили задержаться по погоде в удобной бухте. Все они были уничтожены эсэсовцами, а улов пошел на стол негодьям. Лодки рыбаков были сожжены.

База была хорошо замаскирована, и с воздуха ее практически не было видно. А если учесть, что сюда очень редко долетала полярная авиация, то немцы жили достаточно вольготно. Курт не поддерживал зверского отношения к населению – это было у них семейное. Но старшим был капитан 2-го ранга Ганс Дитер, и его слушались безоговорочно. А у того насчет жестокости было в крови. Он и своих-то матросов не жаловал. Его просто боялись. Так он расправился с матросом и застрелил его за то, что тот проспал тревогу на лодке и опоздал на боевой пост. Теперь, в связи с тем, что лодка Ганса была в ремонте, вся работа по патрулированию была возложена на Курта.

В этот полярный день был получен приказ высадить диверсионную группу на побережье устья Енисея и совершить нападение на сельсовет рыбацкого поселка, а также уничтожить их угольный склад. Группу на месте ждал проводник – из местных поселенцев немцев. Утро на редкость было ясное, и выходить в такую видимость было опасно. Только к вечеру (хотя солнце не заходило уже месяц), сняли маскировочную сетку с корпуса лодки, и на борт погрузились диверсанты – 5 человек. Вот только людьми я бы их не назвал. Эти головорезы уже не раз убивали мирных людей для сеянья паники и ужаса среди населения.

Через пару часов налетел холодный дождевой заряд, и Курт дал команду на выход. Лодка медленно под дизелями отошла от причала. Ходу до побережья было на среднем ходу под «шноркелем» под водой на часов 15. Но что-то пошло не так. Через пять часов хода акустик доложил о шуме винтов – надводный корабль. Скорее, эсминец. Курту было задание при проведении операции не вступать в стычки с противником. Но он не знал, что на борту эсминца было новое акустическое оборудование, которое четко определяло на большом расстоянии корабль противника.

Гиви уже получил сообщение от специалиста об обнаружении подводной лодки противника. По шифру он сообщил об этом и на лодку Сергея. Тот был недалеко. Действовать они должны вместе и наверняка. Но и Курт был не промах. Поняв, что он обнаружен, он перевел лодку на гребные электродвигатели и ушел на глубину в слой холодной воды. Там он заглушил моторы и остался на глубине. Эсминец потерял его и еще долго кружил рядом, сбрасывая глубинные бомбы. Лодка Сергея тоже не обнаружила врага. Прошло 10 часов, и группа кораблей ушла в сторону. Тогда Курт двинулся выполнять задание. Десант был высажен, и через несколько часов пылали поселок и угольный склад. Назад группа пришла не в полном

составе – при нападении на угольный склад был убит сторожем один эсэсовец. Сторожа изодрали ножами, а сотоварища похоронили в песке на берегу. Диверсанты получили шнапс и расслабились в каюте старпома. Лодка взяла курс на базу. Теперь она шла малым ходом, Курт постоянно держал перископом контроль за горизонтом, чувствуя, что эта группа кораблей где-то рядом. Но море было чистое. При подходе к базе он увидел столб дыма над островом – рядом с базой стоял эсминец и расстреливал из пушки и пулеметов причал, стоящую там лодку, которая уже горела. Немцы отвечали, но как-то неорганизованно – видимо, их застали врасплох. Курт приказал идти к эсминцу и атаковать его торпедами. Лодка легла на боевой курс, и торпеды вышли из аппаратов. Но и с эсминца заметили лодку – был открыт арт-огонь и по лодке, и по торпедам. Из 4 торпед одна все-таки достигла цели. И над бортом корабля взметнулся султан воды с огнем. Но эсминец оставался на плаву и вел огонь и по базе, и по лодке Курта. Уже были пробоины в корпусе и повреждения в носовом отсеке, которые прекратили возможность стрельбы запасными торпедами, несколько членов команды были убиты и ранены.

Курт вступил в артиллерийскую дуэль. Тем более его поддержали с берега – там очухались и выкатили орудие из укрытия. Шансов у эсминца не было. Как вдруг лодку потряс взрыв.

Торпеда угодила в первый отсек. Лодка получила дифферент на нос. Недалеко от эсминца вырисовывалась рубка советской ПЛ. Две торпеды она пустила по базе и по лодке, стоящей у причала, и от самого причала, вместе с пушкой и десятком немцев, среди которых был Ганс, ничего не осталось. Две торпеды пошли в лодку Курта, и одна попала. Теперь советская «Щука» наносила артудары по подраненной немецкой подводной лодке. На ней началась паника – метались многие, не зная, что делать, крики, бардак.

Курт объявил, чтобы все заняли свои места – его голос был тверд, как никогда, и это возымело действие. Лодка погрузилась и начала уходить задним ходом в море. Дифферент удалось выправить, но ход был слабый, и никак механики не могли навести порядок с дизелями. Но Сергей не мог их преследовать – нужно было спасать людей с эсминца. Тот еще стоял на плаву и раненый в голову Гиви направил его на отмель острова. Часть матросов и старшин вместе с десантом во главе с замполитом высадились на берег с оружием, чтобы добить фашистов. А остальные подбирали раненых и убитых товарищей и перевозили на берег.

Два целых баркаса, к счастью, смогли многих спасти от гибели в холодных водах Арктики. Военврач был убит, и вся забота о раненых легла на плечи худенькой девушки – фельдшера и одного санитаря. Полина перевязывала, давала обезболивающее и с помощью матросов укладывала раненых на ровной скале. Через пару часов с эсэсовцами было покончено. Двое из них попали в плен, остальные были уничтожены. Сергей дал Гиви пять добровольцев для помощи и теперь мог идти искать подранка фашиста. Поиск был недолог – уже через два часа акустики засекли немца, он шел под перископом на запад. Две торпеды догнали врага, и он сначала всплыл и с лодки в воду прыгали пятеро моряков, а потом медленно начал уходить под воду. Неожиданно из-за горизонта выскочил гидроплан и почти на ходу подобрал двоих фашистских моряков, плавающих в студеных водах Карского моря.

Пока на лодке Сергея сообразили и начали по нему палить – он скрылся за горизонтом. Вызванные по радиации самолеты нашли брошенный гидроплан далеко – километрах в 200 от острова. Людей на нем не было. Самолеты прочесали квадрат, но ничего не обнаружили. Вышедший туда же Сергей со своими акустикками ничего также не нашел. Как сквозь землю провалились. Правда, через несколько дней была потоплена фашистская ПЛ в районе Рыбачьего, возможно, это была та лодка, которая забрала подводников. Сергей вернул корабль к острову Мун, чтобы оказать содействие экипажу Гиви. Его корабль лежал на боку, и периодически волна накрывала его почти полностью. Люди были на берегу. Удобные помещения базы немцев были обустроены для раненых и уцелевших. Механики запустили дизель-генератор и включили электропечи для обогрева. Уже вышел к ним для спасения лидер «И. Сталин», и суток через двое он будет на месте.

Лодка Сергея ошвартовалась на остатках немецкого причала. Был сооружен хороший длинный трап, и командир сошел на берег. Он пошел в подземный бункер к Гиви. Того перевязывала фельдшер, и он неважно себя чувствовал. Но, конечно, Сереге обрадовался.

– Ну, спасибо тебе, друже, а так бы они меня и похоронили. Правда, корабль накрылся, но и мы им дали шороху. Вот теперь отремонтируют мне башку и приглашу тебя, Серега, в мою Кахетию в гости. Может, и доктор со мной поедет? – Гиви хитро подмигнул Сереже. Девушка сложила бинты и подняла голову на Сергея.

– Полина! – заорал он и схватил ее в объятья. Гиви, обалдев, сидел, ничего не понимая, а Сергей с Полиной замерли в объятьях. Он покрывал ее лицо поцелуями и не давал ничего сказать.

– Слушай, генацвале! Ну, дай ей хоть подышать, а то она не утонула, так задохнется без воздуха!

Наконец оторвав девушку на миг, Сергей дрожащим голосом сказал:

– Это же моя Полина, Гиви, как ты мог мне ничего не говорить. А если бы она погибла, я бы тебя просто убил...

Две девушки фельдшеры, доложили о своем прибытии командиру бригады в блиндаже. Тот принял доклад и подошел ближе разглядеть девушек.

– Ну вот познакомимся, – сказал он светленькой, – моя фамилия Воробьев, зовут Николай Андреевич.

– Вы папа Сергея! – Глаза Полины и так достаточно большие, стали огромными.

– Да, дочка, будем знакомы. Потом поговорим обо всем, а пока девушки вот, познакомьтесь – командир медсанбата капитан Окулова Татьяна Ивановна, она вас и введет в курс и расскажет, чем заняться. Скажу одно – впереди тяжелые бои, и работы у вас будет через край.

Оставив девушек с их руководством, он вышел из блиндажа. Так для Полины начались военные будни. Началось наступление, и на девичьи плечи легли заботы о многих раненых. Под огнем противника они ночью и днем делали перевязки, ассистировали хирургам и отправляли раненых в госпитали. Так было долго, пока ее не вызвали в штаб бригады, и она узнала, что ее вместе с полуротой морских пехотинцев откомандировывают на выполнение особого задания. Она уже от Воробьева-старшего знала, что Сергей служит рядом. И что он жив и здоров. Писем от мужа она не получала уже несколько недель. А Николай Андреевич имел возможность связаться с Полярным, и один раз даже поговорил с сыном по телефону. Полине он вручил флотскую газету, где описывали подвиг Сергея при спасении лодки. Там с фото улыбался ее Сережа, похудевший, бородатый – но это ее Сережа. Теперь была надежда увидеться.

Десант прибыл на корабль, где командиром был Гиви Беридзе за двое суток до отхода на патрулирование. Полина знала, что лодка Сергея на задании, и ей сказали в штабе, что завтра они должны быть в базе. Но на завтра она получала медикаменты и обустроивалась в каюте. Только поздно вечером следующих суток ее отпустили на пару часов. Но лодка Сергея уже ушла, а их эсминец рано утром ушел в море. Так она и не успела повидаться. А спросить на корабле про лодку было невозможно: во-первых, никто ничего не знал, а во-вторых, дело было секретным, и даже Гиви бы ей ничего не сообщил. Она надеялась, что вскоре они вернуться назад. Но поход затянулся на долгие недели. За ней пытались ухаживать многие. Но командир быстро пресек все попытки, и от Полины отстали все местные ухажеры. Да и работы было немало. Так, после очередного налета немецких диверсантов на поселок рыбаков их мини-госпиталь оказывал помощь раненым жителям, а их было немало. Потом была стычка нашего десанта с группой фашистов, и опять были раненые.

В самом начале патрулирования с эсминца был высажен с радистом сотрудник «СМЕРШа». Неделю от них не было вестей, и вот в воскресный день они дали о себе знать. Сообщили, что вышли на след предателя, а через день попросили забрать с берега. Так на борту эсминца оказался тот самый негодяй – немец из поселенцев, кто давал наводку фашистам с

острова Мун. Он рассказал все, надеясь на снисхождение. И Гиви принял решение атаковать островную базу на следующий день. Он сообщил о своем решении на лодку Сергею, чтобы и он принял участие в операции.

И вот немецкая лодка Курта вмешалась, и все случилось не так гладко, как планировалось. Но война есть война – у нее свои корректуры. Однако враг разгромлен, и ценой корабля и нескольких жизней моряков задача командования была выполнена. Впереди разбор полетов, кому что. Но факт есть факт. «Лидер» забрал на борт всех членов экипажа, раненых и убитых, и пленных. На острове оставили взвод матросов – для обороны. Полина уходила вместе со всеми на «Лидере», а лодка Сергея получила новое задание и собиралась уйти далеко на запад. Они расстались, веря, что ненадолго, что скоро войне конец. Но еще ой как не скоро – почти год возможности умереть на поле брани или в пучине вод. Но это уходило на задний план – сейчас прощание и любовь заполняли их сердца.

– Пиши мне и маме, отцу привет, – просил Сергей.

– И ты пиши мне чаще, прошу, береги себя!

– И ты береги! – Поцелуй на глазах моряков, у некоторых на глазах были слезы – кто знает, о чем каждый из них думал. Может быть, о невесте, может, о матери, может, кто вспоминал своих родных, уничтоженных фашистами в захваченных городах и селах. Но... Отдать швартовы! «Лидер» ушел на запад. Замполит Сергея подошел и обнял его за плечи – он был старше командира лет на 10 и был самый старший в команде.

– Не грусти, командир, ты же видишь, что война идет к концу, и велика вероятность вашей будущей встречи. Ведь многое от тебя зависит, как будешь нами командовать и управлять кораблем, от тебя и наша жизнь зависит тоже. Так что соберись, и завтра нам в поход. Я поговорю с народом о предстоящем плавании, а ты побудь пока один.

Отец Сергея после гибели комбрига был назначен исполнять его обязанности. Кадров не хватало – после прорыва фронта под Мурманском много полегло командиров. В конце 44-го года морскую бригаду вывели на переформирование. Так они оказались в Архангельске. Полину оставили в госпитале в Мурманске, наверное, не без помощи Николая Андреевича. Николай сразу сообщил Глаше о своем местонахождении, и та уговорила дирекцию завода отпустить ее на десять дней к мужу. Маша осталась на попечение Алевтины Федоровны. Они встретились на вокзале. Мела метель, и не сразу Глаша узнала в высоком военном своего Николая. Шинель была усыпана снегом, и усы были запорошены, и ресницы. Он обнял ее, как самое драгоценное, что может быть на свете, и это был самый счастливый день в их жизни. Так они простояли долго. Пока он не произнес:

– Ты, наверное, замерзла, родная? – Но она не замерзла, ей было горячо. Дома, где жил комбриг, ординарец уже приготовил ужин, стол был накрыт по высшему разряду: была доставлена откуда-то бутылка немецкого вина.

– «Вебер», ты помнишь, Глаша, Берлин? – им было, что вспомнить и о чем поговорить. Так прошла вся ночь. Утром Глашу разбудил крик петуха. Было уже часов 10 утра. Полярная ночь была в разгаре. Метель – качающиеся огни. На столе завтрак и записка: «Жди к вечеру. Пока можешь погулять по городу». Но куда гулять, когда снега по уши и метель. Глаша узнала от мужа, что Сережа успешно воюет, жив здоров. Получил высокую награду, и он уже капитан 3-го ранга. Лодка его сейчас где-то в Норвегии. Машины фото растрогали Николая, ведь он не видел дочь более 3 лет. Как выросла – красавица! Уже в четвертом классе. Вечером Николай пришел с замечательной новостью – его отзывают в МИД в Москву. Они выехали через трое суток вместе.

Глава 4

Странное приглашение

...Прошло много лет. На дворе был 1967-й год. Старшие и младшие Воробьевы жили на Васильевском в Питере. Младшие были в разъездах. После завершения службы на флоте Сергей был направлен в академию Советской Армии, и теперь они с Полиной и десятилетним Кешей находились в заграничной командировке в ФРГ. Маша – красавица и умница – аспирант МГУ. Ее привлекла биология, и она жила вместе с мамой и папой. Воробьев старший работал советником при МИД в Ленинграде, а Глаша, как всегда, по дому. Но она была счастлива и за себя, и за семью.

В конце года на Рождество Сергей получил неожиданное приглашение. Командование флота ФРГ приглашало его с супругой на банкет по случаю Рождества и Нового 1968 года в Киль. Приглашался он как ветеран-подводник. Такие встречи не одобрялись в среде такой службы, как у Сергея. Но здесь за подписью командующего. Сергей доложил о событии руководству, и этот визит был одобрен.

15 декабря в 17:00 они с Полиной, оставив сына на попечение домработнице, прибыли в Киль. Их на вокзале встречали двое шустрых молодых людей. Раскрыли двери машины, и вот они уже на пути в шикарный ресторан, как рассказали молодые люди – будет сюрприз. Сергей не любил неожиданностей, а вот Полина с удовольствием ждала их. Возле ресторана им галантно открыли двери и проводили в зал. Сергей от неожиданности отшатнулся – к нему шел навстречу генерал адмирал фон Вебер. Правда, уже не такой гордый и стройный, а немного согнутый старичок. Но быстро перебирающий ногами и с той же вежливой улыбкой на лице, как и в 1935 году.

– Как я рад видеть Вас, герр Сергей, и Вашу супругу.

Сергей представил:

– Полина, а это барон Вебер, – барон поцеловал руку Полине и повел гостей в зал. Как и когда-то в Берлине за столом было много морских офицеров. Во главе стола был командующий Фольксмарине – флотом Германии вице-адмирал Хайнц Нойкирхен. Выделялся командор – высокий, седой с короткой стрижкой. Было видно, что он здесь держится свободно. Что-то в нем было знакомо Сергею. Были приглашены и военно-морские атташе СССР, Англии, Франции и США. Барон усадил гостей на свободные места возле советского атташе. Пока перекинулись парой фраз (мужчины были знакомы по академии), появился оркестр, и все встали под гимн ФРГ, затем прозвучали гимны СССР, Англии, Франции и США. Вице-адмирал Нойкирхен поприветствовал гостей и поздравил всех с Рождеством и наступающим Новым Годом. Было много тостов, и один из них был за подводников, которые храбро сражались в годы войны. Не уточнялось, за каких подводников. Адмирал попросил встать подводников, приглашенных на банкет. Встал Сергей и встал тот самый командор.

– Поприветствуем, друзья, храбрых офицеров, которые выполнили свой долг до конца и сегодня вместе с нами. Будьте знакомы – это командор Курт фон Вебер и капитан 2-го ранга Воробьев Сергей!

Гости прокричали ура. Сергей, конечно, был удивлен таким событиям, но где-то в душе он понимал, что не случайно приглашен по совету старого Вебера на банкет. Полина спросила:

– Неужели, это тот самый Курт, о котором ты рассказывал?

– Да, без сомненья, это он. Но где же он служил во время войны?

В перерыве Курт и Сергей встретились. Честно говоря, у Сергея не было сильного желания жать ему руку, и рука Курта осталась висеть в воздухе. Курт глядел в глаза Сергею прямо и вопросительно.

– Ты осуждаешь меня, конечно? – спросил он. – Да, я топил корабли и транспорты союзников и ваши. На счету у меня есть один эсминец. Но я сам чудом остался жив. Вот познакомьтесь – это моя жена Марта. У нас двое детей. Старший Серж – продолжил нашу династию. Он офицер-подводник.

Сергей представил Полину, и женщины отошли, чтобы дать мужчинам поговорить наедине. Вот тут-то Курт и узнал, кто был на советском эсминце, торпедированном им, и кто утопил его лодку, и это был для него тяжелый момент. Одно его утешало – это то, что с эсминца спаслись многие.

– Конечно, я виноват, что участвовал в этой аванюре Гитлера, но мы тогда верили ему и думали так. У меня Марта вообще два года была в депрессии после поражения. Мы ее лечили в разных клиниках. Мой старший брат погиб на Западном фронте. Сейчас я понимаю, как мы виноваты в первую очередь перед твоим народом. Но тогда, прости, я был увлечен службой – атаками на противника, и это мне доставляло какое-то удовольствие. Думаю, что и у тебя было, что-то подобное.

Сергей пристально посмотрел на командора. Тот был подавлен разговором и в глазах блестели слезы. Наверное, он искренен, – подумал Воробьев.

– Ты знаешь, Курт, я все понимаю. И то, что ваш род всегда был на службе сильных мира сего. И то, что ты хотел стать моряком, как и я.

Ведь в конечном итоге вы, немцы, все разные. Большинство было оболванено и в силу того, что Гитлер, конечно, обещал главное – возрождение нации и величия униженной после Первой мировой войны Германии – массы шли за ним и верили. Но то, что эта тварь сотворила на нашей земле, я никогда не прощу. Моя бабушка погибла при бомбежке в Ленинграде. И я, и мой отец рисковали своими жизнями, чтобы наказать таких, как ты, утопить в море, разгромить на земле и в воздухе. Мы защищали свою страну. А вы подло напали и что главное – сколько погубили людей в концлагерях, и городах, и селах! Нет такому прощенья! – Сергей махнул рукой и тут произнес: – Но я благодарен твоему отцу за то, что он сделал для нашей семьи. А что ты можешь сказать в оправданье?

Курт тихо произнес:

– Можешь навести справки, я никогда не добивал людей после потопления судов и запрещал это делать другим. Это все мое оправдание. Меня не судили, и теперь я служу Бундесверу. Преподаю в военном училище в Киле.

К ним подошел военно-морской атташе СССР Николаев:

– Ну что, вспомнили былое, идемте лучше выпьем за ваших дам, они, по-моему, самые красивые на банкете.

А дамы настолько увлеклись разговорами, что, когда начали произносить тост в их честь, они это поняли лишь по расталкиванию их мужьями. Потом был бал, и Сергею вспомнился еще раз тот предвоенный Берлин и почему-то Ленинград, и первая встреча с Полей.

– А знаешь, Поля, наверное, это не случайно – наша с тобой встреча, и сегодняшняя встреча с Куртом и его отцом. Но я тебе скажу одно: самая дорогая из них – это наша, – он прижал к себе Полину, и та попросила:

– Потихе, по-моему, мы будем дважды папой и мамой!

А над Килем шел мягкий рождественский снег и покрывал улицы и причалы гавани, где стояли подводные лодки Германии, и он падал и на город Полярный, засыпая причалы и стоящие у них подводные лодки СССР. Грозное противостояние продолжалось, собственно, как продолжалась жизнь на Земле. Запад и Восток шли на встречных курсах, держа оружие наготове. Но там и там люди любили, верили, надеялись и ждали от Рождества и Нового Года счастья и удач, наверное, это правильно.

Сложности простой жизни

(Посвящаю моему другу Саше Захарову и всем моим друзьям детства из с. Богатое)

Глава 1

Бабушкины хитрости

На село опускался теплый, влажный вечер середины весны. Запах цветущей вишни стоял густой, как теплые сливки в парном молоке. Небеса постепенно раскрашивались лазурью, а на западе горизонт превращался в красно-оранжевую полосу с бордовым солнечным диском в середине. Скоро наступят долгие деревенские сумерки.

– Сашка! – бабушка Поля, выглянув из раскрытого окошка, деревянного домика, грозно позвала внука. А Сашка и не думал откликаться – ведь все самое интересное только начиналось. Почему-то именно в это время суток и в этом времени года играть с соседскими детьми особенно интересно. Прямо в переулке на дороге был расчерчен большой круг и шестеро ребятшек, каждому лет по семь (две девочки и четверо мальчишек) играли в «вышибалы». Мяч то и дело гулко бил по мягким местам и коленкам игроков, выводя из круга очередную «жертву».

– Сашка, тебя бабушка зовет, – сказала высокая девочка с короткими рыжими косичками, – ты что, не слышишь? – Она ловко попала Сашке по спине, и тот нехотя вышел за черту.

– Ты бы, Оля, помалкивала, сейчас всех разгонят, – выпалил Сашка, недовольно поглаживая побитую спину. – А еще совсем не темно, и мы же хотели на крыльце посидеть.

– Сходи, скажи дома, что мы посидим у вас на крыльце! – попросил мальчик Вася, большеглазый, небольшого роста, белобрысый. Сашка побежал к дому.

– Бабушка, мы на крыльце полчаса – хорошо?

– Но не больше, и шелуху от семечек не плюйте на пол, как я учила – в ладошку и в ведро.

Сашка, ничего не ответив, рванул к ребятам, и всей гурьбой они пошли на крыльцо Сашкиного дома. Надо сказать, крыльцо было любимым местом сбора этой стайки ребят. Но не только они облюбовали это место – здесь часто собирались пожилые соседи – в основном бабушки, почему-то дедушек почти не было, разве что одноногий дед Манит подходил на «огонек». Так было потому, что была война, и мало кто из взрослых мужиков вернулся с нее. Вот и мусолили бабушки между собой все новости села да рассказывали про детей да внуков, которые не редко сидели рядом на бревнышке и подслушивали их беседы.

Крыльцо было красивое – резное. Дощатый пол, две скамеечки по бокам со спинками, на двух высоких тоже резных столбах крыша домиком, покрытая железом, крашеным красным суриком. На крыльце вела дорожка, посыпанная желтым песочком, и две деревянные ступеньки. А выход с коридора был закрыт двустворчатой тоже резной дверью, краска на которой уже облезла, но остались следы «былой красоты». Одной стороной крыльцо смотрело в цве-

тущий вишневый сад, а с двух других открывался вид на улицу и небольшой пустырь между соседскими домами.

За беседами все грызли семечки – каждая бабушка жарила свои, и внуки набирали в карманы на вечер эту «заразу», как говорила баба Поля. И хотя правила ее все знали, тем не менее утром ей приходилось замечать шелуху веником, при этом она всегда ворчала и грозила никого не пускать больше на крыльцо. Но приходил вечер, и все повторялось. Даже в дождик здесь было почему-то уютно и как-то безопасно. Что-то было в этом крылечке сказочное, наверное.

Вот и сегодня ребята расселись на скамейках и, как все малыши, начали рассказывать истории, кто страшные, кто глупые, кто про что. Сашка любил хвастаться и часто врал. Это все знали, поэтому никто ему не мешал и не перебивал. Скромник Вася – тот всегда просто слушал, и если его что-то удивляло, то он делал большие глаза и переспрашивал:

– Правда, да?

Валерка, мальчик с узкими глазами, похожий на татарчонка, тот всегда рассказывал о рыбалке, потому что они часто со старшим братом ловили рыбу и ездили на мотоцикле на речку и озера далеко от села. Коля, высокий симпатичный мальчик, с прической «бобрик», был сыном милиционера, и поэтому часто рассказывал о разных происшествиях. А вот Рита любила учить всех, как вязать узлы и делать из веревок разные поделки – папа у нее был моряк, и он учил ее, как мальчишку, всему мужскому. Только Оля всегда хохотала над выдумками детворы и считала себя намного умнее всех. Может, так и было, ведь ее мама была директором школы. Но все почему-то так не считали, а говорили, что она «задавала».

Бабушка Поля вышла к детям, вытирая руки о передник:

– Ну что, пострельцы, проголодались?

Все скромно промолчали, только Сашка обрадовано спросил:

– А что есть вкусенького?

– Счас принесу плюшки, – Полина Петровна, переваливаясь, как утка, поплыла в дом, а через пару минут выплыла с горячими сладкими плюшками на тарелке. – Вот, только из печи, откусайте.

Дети похватили горячие сладости, и в тишине было слышно мягкое чавканье.

– Потом парное принесу, – сказала бабушка и, сощуриив глаза, спросила: – А кто уроки не сделал сегодня?

Оказалось, что все почти все сделали, осталось кому переписать начисто, кому дочитать, кому дорисовать.

– Эх вы, гулены! – укоризненно сказала Полина Петровна. – Вот если бы я дала вам недопеченные плюшки, вы бы их наверно не стали есть?

– Нет, конечно, – загалдели все, – а эти такие вкусные.

– Вот-вот, давайте-ка быстро домой после молока и чтоб все успели, а то буду вас прогонять с крылечка, как неслухов! Вон ваши мамы уже ругаются!

С соседних домов послышались призывы родителей. Пристыженные, наспех глотнув вкусного парного молочка, дети разбежались по домам.

– Вот ты, бабушка, хитрец, – сказал Сашка, – всех разогнала, как метлой.

– Иди уже доделывай свою арифметику, а то я тебя знаю – прыг с грязными ногами в койку и храпака. А завтра двойка.

– Ну чего ты, бабушка, у меня уже давно плохих оценок нет, – обиделся Сашка, зевая и потягиваясь.

– Вот-вот, – укоризненно посмотрела на него Полина Петровна, – и когда уже твои родители приедут!

Но как бы там ни было – сработало, и все дети успели доделать уроки и с чувством сделанного дела, кто с мытыми ногами, а кто и не успел – уснули в своих кроватках. Сельская ночь вступила в свои права. Завтра в школу.

Глава 2

Просто лето

Лето подкрадывается как-то незаметно, вот же только недавно была весна, все цвело, шли холодные весенние дожди. Но вот и последний урок в школе, и сразу каникулы! А с ними вместе наступает июнь – лето пришло. Кому куда, – одни детишки в пионерлагерь, кто-то к бабушкам и дедушкам в другие села и города, а Сашка дома. Полугодие он закончил неважно – есть тройки. Но не это грустно, – грустно, что родители, которые обещали вернуться в конце мая из командировки, задержались на своем Севере до июля. Сашка ходил с бабушкой на переговоры с ними на почту. Мама с папой сами были расстроены, конечно, они скучают по Сашке, но что делать: геологоразведка – она непредсказуема. Но они обещали Сашке в подарок велосипед «Школьник», а бабушке стиральную машину. Это, конечно, немного сглаживало обиду, но не совсем.

С почты наши герои заглянули в продмаг – купить сахар. А бабушка расщедрилась на кулек конфет. Сашка на ходу жевал «Мишку на Севере» и думал, как это, наверное, здорово шагать по тундре и видеть разных зверей и птиц, и ловить большую рыбу с диковинными названиями в голубых озерах, которые он видел на присланных родителями открытках. Дома у Сашки было много дел – он помогал бабушке по хозяйству. И хоть она часто говорила, что «бьется, как рыба об лед», Сашкина помощь была существенной: и принести воду из колонки на улице и для себя, и для коровы, дать корм курам и собрать яйца из гнезд, да и Шарика с Васькой утром покормить – это была его работа.

Но, кроме работ, были летом и разные развлечения. На первом – месте рыбалка на речке, потом походы с бабушкой Полей в лес по землянику и за щавелем и диким луком. Сашку всегда поражало, как она могла так точно находить те места в лесу, где росли дары природы. За земляникой они собирались с утра, но не рано, чтобы роса уже просохла. На полянах они набирали ягоду, кто в ведро, а кто в бидончик. Конечно, понятно, кто с чем. Сашка быстро уставал и начинал канючить:

– Давай, ба, отдохнем, жарко, пить хочется очень!

Бабушка смотрела в его наполненный до половины бидончик и улыбалась: – Эх, ты, лентяй, а еще и слопал столько же, поэтому и пить хочешь. – Но шла внучку навстречу, и они удобно рассаживались на расстеленный под осокарем в тени платок. Еда, взятая из дома, была особенно вкусна в лесу, и вода прохладная в бутылке, укутанной мокрой тряпочкой, утоляла сразу жажду. Солнце уже пригревало нещадно, но здесь, в тени на травке, было прохладно и уютно. Сашка ложился на спину и смотрел в небо. Там высоко по синеве плыли легкие облака, почему-то не закрывающие солнышко. Потом его отвлекали разные букашки, ползающие, прыгающие на траве, и бабочки – то белые то пестрые, порхающие над полем, сидящие на цветах. Бабушкин голос прервал наблюдения мальчика:

– Пошли доберем и домой, а то может и дождик собратся.

Собирать землянику после еды и отдыха совсем не хотелось, но Сашка помнил, что варенье из этой ягоды очень любит мама, и вот через полчаса его бидончик был полон, а бабушка собрала еще полведра. Завязав верх посуды марлей, они поспешили к речке. Бабушка ковыляла впереди по-утиному, а Сашка плелся позади. У самого моста сделали передышку. Действительно, сбывалось сказанное бабушкой Полей – появились тучки, подул порывистый ветер, когда подходили к дому, уже гремел гром, и первые крупные капли дождя упали на пыльную дорогу.

Как хорошо сидеть в доме, когда за окном ливень и гроза. Ба-бах – сначала молния, потом гром. Бабушка крестится: «Спаси нас, Боже». Сашка думает: «Всех страшнее, наверное, Шарик – он сидит в будке, ведь все залило вокруг водой». Он посмотрел в окно – Шарик сидел в будке и не высывался. Вода до него не доходила. Зато кот Васька забрался на колени Сашке и вздрагивает от каждого удара грома. Сашка гладит кота, и тот начинает мурлыкать. «А бабушка на кухне готовит обед и нам, и собачке. Как она все успевает», – думает Сашка. С кухни доносятся вкусные запахи, но все куда то уплывает и Сашка засыпает прямо в кресле.

– Эй ты, соня! – бабушкин голос, как колокол, прозвучал в тишине. – Принеси воду. А я пойду встречу Зорьку из стада. Сашка разлепил глаза и увидел, что уже наступает вечер, Васьки уже не было, а Шарик, весело лая, прыгал вокруг бабушки, принесшей ему поест. Мальчик вышел из дома с ведром и пошел по лужам по улице к колонке. По дороге бежал огромный ручей, журча и извиваясь между кочек, по которому туда-сюда ходила в сапожках соседская девочка Рита.

– Привет, а я думал, ты тоже уехала, – обрадовано сказал Сашка. – А мы с бабушкой ходили за земляникой. Хочешь, угощу?

– Давай, – Ритка помогла ему набрать воды, и они вместе потащили ведро к дому. Бабушка уже загнала корову в стойло, и она смотрела на детей своими огромными черными глазами, что-то пережевывая своими губами. Крыльцо было мокрое, и Полина Петровна принесла детям клубнику с парным молоком в коридор.

– Жаль, что твои родители не приехали, – сказала Рита, уплетая землянику, вытирая попутно губы от полоски парного молока. – Так долго их нет. А меня не взяли с собой в город. Там свадьба, и сказали, что я буду мешать. Оставили с теткой. А я так хотела посмотреть на невесту и вообще, – Ритка замолчала.

– А давай завтра махнем на рыбалку на речку, – предложил Сашка, – отпросись у тетки. А я за тобой зайду, у меня две удочки и червяков полно.

Ритка благодарно посмотрела на мальчика. Вот было бы здорово, но тетка злая, может не отпустить, разве что ненадолго.

– Да мы на пару часов, представляешь, какой клев после дождя!

Обрадованная Ритка спорхнула со стульчика:

– Спасибо, бабушка Поля! Пока, – и поскакала домой.

Вечер вступил в свои права, и уже появилась первая звездочка на небосводе. Сашка вместе с бабушкой перекусил и убрал всю посуду, помыл ее и сложил.

– Вот спасибо, внучек, а то я что-то умаялась за сегодня, – сказала бабушка. – А завтра ты все равно рано встанешь, так выпроводи корову к стаду сам.

– Хорошо, ба, – Сашка поставил будильник на 5:00 и едва прикоснулся к подушке – мгновенно уснул.

... – Ты же хотел рано встать, Сашок? – голос бабушки откуда-то издалека донесся до безмятежно спавшего Сашки. – Вставай, соня!

Мальчик медленно опустил ноги на пол и, только когда встал, открыл свои глаза.

– А что, уже пять?

– Да ты и будильника не слышал, чертенок, беги, выгони Зорьку к стаду, уже и рожок пастуха был, – Сашка в трусах на ходу влез в бабушкины галоши и выскочил во двор. Заря уже вовсю занимала небо, и было слышно, как по дороге топают, мычат коровы и раздаются хлесткие удары бичей пастухов. Стадо уже на подходе к их дому. Сашка открыл сарай и выпустил уже нетерпеливо перебиравшую ногами Зорьку. Хворостиной по спине, и та медленно потопала за ворота на дорогу.

– Дядь Семен, принимай, – крикнул Сашка, и старый пастух кивнул ему.

– Привет Полине Петровне передай, и пусть на дневную дойку не опаздывает!

Сашка шеметом домой, вот удочки, вот черви, сумка, сверток с бутербродами, которые вчера ему сделала бабушка, бутылка с водой. Напялив шаровары с тенниской – бегом к дому Ритки, под мощный храп ба. Утро не такое и теплое, на траве роса, и Ритка ежится от пробирающегося за ворот кофточка утреннего ветерка. Хорошо, что надела спортивные штаны – спасибо тетке. А Сашка врун – в пять, в пять, а уже полшестого. И спать хочется!

Мальчик, запыхавшись, появился из-за угла.

– Привет, прости – проспал!

– Да я и не сомневалась – еле уговорила тетку, а тебя нет и нет! Она меня чуть обратно домой не загнала, – укоризненно произнесла Ритка.

– Да ладно, пошли, – Сашка отдал одну удочку девочке, и они зашагали по пыльной дорожке к реке.

Ритка не умеет насаживать червяка, и мальчик, ворча, помогает подружке. Быстрое течение не дает возможности рыбе клонуть за время заброса, и Сашка принимает решение зайти в воду и ловить у ног. Засучив штаны до колен, он первым шагает в воду, за ним несмело Ритка. Вода теплая, но быстрая – так и хочет сбить с ног. Немного постояв, они почувствовали, как пескари начали тыкаться головой в их ноги, это было щекотно, и Ритка засмеялась.

– Тихо ты, рыбу распугаешь! – цыкнул на нее Сашка.

Пескарики хватают наживку сразу, только увидят, как она проплывает возле ног детей. Они небольшие, но их много. Ребята кидают их на берег на песок. Быстро кончаются червяки, но и рыбы уже достаточно. Сашка на берегу разделяет улов ровно на 2 части и сооружает два кукана из кусков лески и палочек. Довольные собой мальчик и девочка босиком пошли по теплему песку к горке, на которой уже вовсю оживало село – сновали люди, кто пешком, кто на великах, иногда промчится кто-то на мотоцикле или мопеде. В руках по кукану с рыбой – не стыдно на людях показаться, и не беда, что рыбка маловата. Когда на горке надевали сандалии, подошел конюх Манит:

– Ну-ка покажите, что там сегодня ловится? Ай да молодцы – будет жареха! Приглашайте в гости.

– Ну вот еще, – буркнул Сашка, – самим мало.

– Жадина ты, Сашок! – незлобно пожурил Манит и засеменил к себе на конюшню. Тетка Риткина довольна – и пришли вовремя, и рыбка есть.

– Рит, ты после обеда приходи, поиграем на дворе, – просит Сашка, а то скучно одному.

– Ладно, – отвечает Ритка. Она немного устала от этого похода, а вообще в планах было пошить куклам два новых платяца. Но с Сашкой все равно интересней, тем более, что вдвоем можно и в мяч поиграть, и кораблики, да еще в кучу чего. Ее мальчишеские замашки так нравились Сашке, иногда он забывал, что Ритка девчонка.

Обеденная жара смаживает в селе людей. Все прячутся по домам, у кого обед, кто просто дома. На небе ни облачка. Солнце палит, и спасенье только в тени. Благо ее много в саду. Под старым кленом тени полно – там Сашка и лег на расстеленную мешковину. Глаза в небо, оно синее и с белым от жары. Где-то высоко-высоко летит самолет, звука нет, а полоска за ним образуется.

– Вот интересно, как там пилоту и пассажирам? – рассуждает Сашка. – Мне бы куда полететь, вот было бы интересно, и всем потом рассказать – все бы обзавидовались!

Немного помечтав, он собрал мешковину и начал изучать жизнь букашек, красных «солдатики» – которые сновали туда-сюда по всему саду. Его занятие прервала Ритка.

– Ну, что ты там разыскал?

– Вот смотри, где же этих букашек дом. Давай вместе найдем, и может, им нужно чего-то дать кушать?

– Как ты думаешь, они хлеб едят? Давай проверим, – Ритка достает из кармана штанов булку, стыренную у тетки из хлебницы. Но букашки испуганно разбегаются и упорно не хотят

есть крошки. Зато крупные черные муравьи, появившиеся откуда ни возьмись, в мгновение растащили все и понесли в муравейник.

Жара не располагала играть в подвижные игры, и ребята нашли себе развлечение в доме. Достали шашки начали играть в «Чапаева» – сбивать щелбаном шашечки с поля. За этим их и застала Полина Петровна, явившись с дневной дойки.

– Парного вам не дам, а вот с погреба холодное молоко с хлебом получите. Саша, отнеси ведро в чулан, – мальчик принял от бабушки эмалированное ведро, накрытое марлей, пахнущее теплым парным молоком, и, весь согнувшись на бок, потащил его в чулан.

Холодное молоко с белым свежим хлебом – это что-то с чем-то! Полная чашка молока, туда крошишь хлеб большими кусками и, конечно, немного сахара. В жару – лучшая еда. Губы в молоке – и жажду утолили, и поели тюрю.

– Спасибо, ба! – Сашка первым протянул бабушке свою тарелку, Ритка следом: – Спасибо большое, тетя Поль!

На улице жара не спала еще, но уже не такая, как в полдень. Ритка сбегала за своим великом – он меньше «Школьника», но почти такой. По улице вдоль вверх и вниз по очереди – пыль поднимается от колес, потом медленно оседает на дорогу. Можно лихо тормозить, и велик заносит, от этого пыли еще больше. Все равно жарко и долго не покатаешься, поэтому к вечеру – на любимое крылечко. Жаль, остальных ребят нет, но семечки есть, и есть о чем поболтать. Ритка – интересный собеседник. Она о папиных морских путешествиях, а Сашка передает рассказы родителей о работе геологов. Они наперебой старались рассказать что-то такое важное, как им казалось, почти не слушая друг друга. А уже темнеет, и полнеба закрыла туча, в воздухе пахнет дождиком и где-то далеко слышен раскат грома – будет гроза. Ветер поднимает пыль, уже упали первые капли, и Ритка бегом рванула домой.

Сашка с бабушкой закрыл сарай, погладил Шарика и забрал в дом кота – тот сидел на крылечке. Страх перед грозой заставил мальчика спрятаться в своей комнате, сюда приковыляла и ба. Вместе легче переждать бурю. А за окном уже свирепствовал ветер – он кружил в воздухе какие-то листки, тряпки и бил порывами в окна. А вот и молния ярко осветила и небо, и улицу, и комнату через зашторенные окна. Ба-бах! Удар грома заставил вздрогнуть и сжаться. Бабушка молча перекрестилась.

Дождь забарабанил по крыше и в окна, шум его заглушил все звуки – ливень, как из ведра.

Утро теплое, светлое, через окно в сад видны умытые дождем деревья, их листва чистая и яркая, как на картинках. Сашка потянулся и вылез из кровати. На дворе как будто и не было дождя, все испарилось. Только потеки от ручьев да большая лужа посреди двора, которую уже обжили три жирные утки. Они залезли в лужу, хлопают крыльями, брызгаются, им хочется поплавать. Но лужа мелкая, и они топчутся по дну туда-сюда. Сашка набрал из бочки воды в ведро и подлил в лужу. Уткам стало веселей – можно проплыть полметра.

Бабушки нет, на столе в кухне записка: «Покорми кур и уток, Шарика я дала, а кот на твоём обеспечении». Неспешно Сашка позавтракал чаем с оладьями и сметанкой и пошел управляться по хозяйству.

– Эй, хозяйева, есть кто? – позвали из-за забора. Мальчик подбежал к калитке. Почтальон протянул ему заказное письмо: – Вот тут распишись.

Письмо было толстое, с красивыми марками. От папы и мамы – прочитал обратный адрес Сашка. Он аккуратно открыл конверт и оттуда достал письмо на пяти листах, два листа были лично ему. И десяток фотографий. Вот родители в тайге сидят у костра, папа с гитарой и с ними еще человек пять в комбинезонах. Вот мама держит на руках маленького медвежонка. У реки садятся в лодку с рюкзаками.

– Скорей бы вы лучше приехали, – обиженно прошептал Сашка, раскладывая фото на столе. Свое письмо, на котором было написано «Лично Сашеньке в руки», он сел читать на

крыльце. Сначала писала мама, потом папа. Мама, как всегда – как ты там, хорошо ли кушаешь? Не заплывай далеко в речке, в лесу носи шапочку, как там бабушка – не болеет ли? Папа подробно рассказывает об их путешествиях по рекам, по горам и в тайге. И, конечно, советы – как смастерить «морду» для рыбалки на озере, как ловить налимов в норах и дурацкие вопросы – с кем дружишь? С дураками не водись! Можно подумать, он, Сашка, сам не знает, кто есть кто. В конце, как всегда, что скоро приедут, велик тебя ждет, и помогай бабушке.

Бабушка застала его за чтением, он в пятый раз перечитывал послание.

– Ой, наконец-то весточка! – захохла Полина Петровна и уселась читать, надев очки, на ступеньки крыльца. Она тоже раза три перечитала письмо и, вытерев повлажневшие глаза, рассказала Сашке, что там пишут. Конечно, бабушке они писали по-взрослому. И о болезни малярией папы, и о том, как мама провалилась в болоте, и ее спасали всей геологической партией. И главное – они уже забронировали билеты из Москвы на следующую неделю и теперь нужно только добраться вертолетом до Перми. Так что уже скоро будут.

– Слава Богу! А то я замаялась в ожидании, да и тебе с ними будет веселей, Сашок!

Вот это новости! Сашка не знал, куда бежать, чтобы рассказать обо всем. Первым делом к Ритке. А ее нет дома – с теткой куда-то ушла. Ладно, дальше в конюшню к Маниту. Старичок сидел на лавочке у входа в конюшню и курил, как всегда, свою самокрутку, запах вонючего табака разносился, наверное, метров на двадцать от него. Но Сашку это не страшило.

– Дед Манит! А скоро мои родители приезжают, написали, что уже и билеты заказали.

– Вот и славно, а то ты без них совсем одичаешь с бабкой! – усмехнувшись, произнес дед и покашлял. – Чай, с гостинцами приедут?

– Да, мне велосипед везут в подарок.

– Ишь ты, велосипед ему. А кататься-то умеешь?

– Конечно, даже умею и цепь подтягивать, и колеса подкачать, и руль поправить ключом.

– Ну, тогда дело простое – сел и поехал. Это не на лошади проехать. Ты что-то давно не приходил коней помыть и на водопой помочь сводить? Вот папка твой – тот у меня частый гость был и на коне держался, как влитой, небось, про меня забыл он?

– Да что ты, – соврал Сашка, – он тебе привет непременно чтобы я передал и табак тебе привезет хороший.

– Ну и на том спасибо, – произнес дед и пригласил Сашку в конюшню. – Идем, подержишь Орлика за узду, а я ему копыта почищу.

Конечно, конюшня не была местом для игр или баловства. Здесь пахло навозом, лошадиным потом, сеном. Здесь нужно было работать и заботиться о лошадях, которых было не так и много – аж пять. Три лошади и два коня. Лошади были одной породы – каурые, а кони разные. Орлик – высокий жеребец в серых яблоках, и Атас – абсолютно черный. И если Орлик был добродушен и ласков, то Атас частенько показывал свой норов и не только чужим, но и самому Маниту. А лошади были покладистые и ровного характера. С ними было проще.

Обитатели конюшни были гордостью Манита. Он жил один в старом доме на окраине села. Сколько ему лет, никто не знал, да никто и не интересовался. Седые курчавые волосы, окладистая седая борода, казалось, он был всегда такой. На День Победы Манит надевал гимнастерку, на которой красовались два Ордена Славы и две медали. В войну он был танкистом. А где его семья, никто не знал. Бабушка Сашке рассказывала, что этот седовласый человек появился в селе после войны году в 49-м. И сразу пошел работать с лошадьми. И при первом председателе он был, и вот уже много лет здесь.

Сашкин папа мальчиком помогал деду управляться, и вот сейчас и Сашка иногда приходит. Но у младшего Лапина нет такой тяги к лошадям, как была у старшего. Дед Манит с сожалением смотрел, как Сашка берет нехотя под уздцы Орлика, и тот фыркает, чувствуя это.

– Отцу твоему пригодилось мое ученье на работе, – говорит дед, – он мне года два тому рассказывал, как они с геологической партией на лошадях добирались по степи в Казахстане

к месту назначения десять суток. А в партии только он и знал, как обращаться с конями. Проводники тогда отказались идти из-за каких-то праздников местных. Так твой папа и других научил нашему делу. А мне он всегда был благодарен за науку. А вот ты, малец, не в папу. Ну да ладно, может, и из тебя что-то путное получится – вот бабке-то ты помогаешь, а это уже не мало. Как она, кстати, там поживает?

Сашка обрадовался смене темы и рассказал про житье-бытье их с Полиной Петровной.

– Привет ей передавай, считай, мы с ней скоро одни останемся самые пожилые в селе, а она молодцом держится, как и я, собственно.

Копыта чистые, и Сашка откланивается, пока не заставили выгребать навоз. Солнце уже в зените, и мальчик бегом на речку – под горку по тропинке. Майку и штаны – на песок и в трусах в воду. Она прохладная. Сразу с головой под воду и быстрыми гребками по течению и на берег, потому что сносит потоком воды. И еще несколько раз. На речке никого. Только далеко под обрывом сидит в шляпе старый художник Ресаев. «Как можно на такой жаре ловить рыбу», – удивляется Сашка, но любопытство берет свое, и он по скользкой глине идет под обрывчик к рыбаку.

– Здравствуйте, Антон Семенович, как рыбалка?

Ресаев недовольно посмотрел на мальчишку, отвлекающего его от лова, и пробурчал:

– Пока ничего, но, думаю, скоро будет, поклевка была. Похоже на язя.

– Здесь в прошлом году Савелькин поймал большущего язя, – высказал Сашка, – еле вытащили. Даже удочка сломалась.

Но тут у художника поклевка, и он вытягивает небольшую сопу. Ну, вот и почин. Он уже удовлетворенно и по-доброму говорит Сашке:

– Ты думаешь, я тут на жаре сижу зря? Мне ведь и сильно рыбы-то не надо, а вот летний зной на реке как передать на холст – вот о чем я думаю. А ты что один шастаешь, где друзей растерял?

Мальчик рассказал обо всех, а заодно узнал, что дети художника тоже уехали в пионерлагерь на все лето. А жена не хочет с ним бродить, вот он сам и отправляется с утра то на речку, где еще и на уху можно что-то поймать, то в лес, то в степь, то к озеру.

Сашка видел в клубе картины Ресаева. Они были большие, яркие и добрые. Там были и люди в период сенокоса или жатвы, кони Манита и даже базар, полный людей и товаров на прилавках, эту картину Сашка выделил почему-то особо. От нее так и вело зимним днем, морозцем и запахами квашеной капусты, копченого сала, соломой и домашней колбасой, творогом и другими разностями. Торговки в тулупчиках, на головах шали, шум, заывают покупать, торгуются люди. И довольные покупками улыбаются продавцам. Сашка с бабушкой ходили не раз и покупать, и продавали топленое молоко и сметану. Так было интересно, а особенно, когда бабушка из вырученных денег вручила ему трешку – целое состояние. А что – заработал: и таскал бидоны, и расхваливал товар.

Мальчик попрощался с художником и заторопился домой – скоро придет ба.

Глава 3

По волнам юности

– Александр Павлович! К Вам тут дама на прием, я объяснила, что сегодня у Вас не приемный день. Но она просит и говорит, Вы ее знаете, – голос секретаря Маши отвлек мужчину, стоявшего у окна, от воспоминаний, которые нахлынули так внезапно.

– Да-да, Маша, пусть войдет.

Маша вышла, а через минуту вошла стройная женщина с короткой прической, в строгом темном пиджачке и в юбке. Темные очки скрывали ее глаза, поэтому Александр, как ни всматривался, не мог понять, откуда она его знает.

– Мы знакомы? Добрый день, присаживайтесь, – женщина присела на кресло перед столом и, улыбнувшись, сняла очки. – Ритка! – не смог сдержать он себя. – Откуда, какими судьбами? – мужчина подошел быстрыми шагами к даме, и она поднялась навстречу. Он взял ее за руки.

– Ну, здравствуй, Сашка! – голос был такой же, может, чуть побархател. И глаза, которые никак не перепутаешь. Он усадил ее в кресло и сел рядом.

– Ну, рассказывай!

– А с чего начать?

– С самого начала, – он нажал кнопку связи и попросил: – Маша, сделай нам по чашке кофе, или ты чай?

– Кофе, пожалуйста, но без сахара.

– Маша, мне большую чашку!

– Хорошо, – Маша пожала плечами и посмотрела на часы: уже скоро пять, и ей нужно убежать на свидание, а тут эта дама и, видно, важная птица – сколько они будут беседовать?!

– Ну, если сначала, то с самого. После школы – в МГУ, окончила, стала журналистом. Сначала работала у нас в селе в редакции. Потом уехала с мужем в Ханты-Мансийск. Он у меня был инженером-нефтяником. Там и работала в редакции местной газеты, а после смерти мужа с сыном переехала в Москву, здесь друзья помогли с работой. Теперь на ОРТ – готовлю новости. Сыну 16, он в этом году оканчивает школу и хочет стать военным. Родители живы-здоровы, узнали, что увижу тебя – просили передать привет.

– Да-а, – Александр сочувственно посмотрел на Риту, – сколько лет прошло – где-то тридцать, наверное?

– Да, ровно тридцать, – подтвердила женщина и поправила прическу.

– Ну, ты мало изменилась: и фигурка, и внешность – красотка, – улыбнулся Саша. – Ну, о себе долго рассказывать, да ты, наверное, все и знаешь. Окончил физмат в Самаре. Потом взяли в Питер в НИИ, а теперь вот с 1990-го в правительстве, возглавляю промышленное направление. С семьей как-то не вышло, все некогда было. Живу с отцом, с котом и псом. Мама уже нет. Спасибо твоим за привет – папе расскажу обязательно. Так что ты и горя хлебнула, а что с мужем?

– Была тяжелая сдача объекта, и он там надорвал себя – инсульт, и через пару месяцев его не стало.

– Прими мои соболезнования, жаль. Ну, да что мы тут сидим? Поехали к нам – папа будет рад.

– Нет, Саша, не сегодня, просто мы с Ванечкой – сыном договорились сегодня пойти к его крестной в гости. А к тебе я и по делу. Я не хочу, чтобы Ваня стал военным, время сейчас непростое, а он такой порывистый, без компромиссов. Может, ты ему что посоветуешь. Он о тебе знает, читал в прессе, да и я порассказывала. В общем, прошу повлиять, может, что выйдет. А так он сейчас ходит на тренировки по карате, уже какой-то пояс имеет, учится метко стрелять в секции по стрельбе из пистолета. В общем, мальчик спортивный.

– Я, конечно, Рита, попытаюсь, просто у меня такого опыта не было – поработать в таком направлении с ребенком, но что-то придумаю. Пусть позвонит или сюда, или домой вечером. Вот мои телефоны, – он протянул две визитки.

– Ой, спасибо, Саша, извини, что задержала тебя и отвлекла.

– Да нет, ты как раз в тему, только что почему-то вспоминал наше детство в селе. А тут ты – сюрприз.

– Где ты живешь?

– Я на Севастопольском проспекте.

– Маша! Тебе тоже в ту сторону, берите дежурную машину и езжайте!

– Да что ты, я на метро, – было видно, что Рите действительно неудобно.

– Ничего страшного – раз в 30 лет можно предложить покататься, – они попросились, и женщины отправились к лифту. Александр смотрел вслед и каким-то чутьем понимал, что-то в его жизни сможет измениться с сегодняшнего дня.

...Водитель вернулся где-то через час, и за это время Александр успел много раз переговорить по телефону с разными людьми из ЦК и с помощником Президента. Времена наступают сложные и совершенно новые. Он понимал – меняется страна, а точнее ее руководство, грядут перемены и, наверное, катастрофические. Об этом говорило и быстрое создание кооперативов, и появление на горизонте хитрых личностей, которые почему-то были в родственных отношениях с членами ЦК и даже Политбюро. Целые фабрики вдруг становились нерентабельными, и их в спешном порядке передавали в кооператив этим хитрым предпринимателям. У последних откуда-то появлялись большие деньги, и вот уже оборонный завод делает сборку японских телевизоров, а еще недавно успешно работающая фабрика по производству военной одежды начинает выпускать купальники. И все это под покровительством Главного в стране.

У Александра не было ни фабрики, ни завода, хотя предложений поступало немало. Его пытались втянуть в состав правления какого-то кооператива в Питере по производству унитазов нового европейского стандарта. Какие-то богатенькие турки предлагали оставить работу и возглавить их контору по перевалке марганца. Александр держался из последних сил, его постоянно упрекали и в Политбюро и в ЦК за спускание на тормозах многих проектов по передаче производств в руки ловких кооператоров. Уже был выговор, и оставалось недолго ждать завершения своей карьеры. Последняя проверка сверху нашла массу недочетов его деятельности на должности, и его лучший друг Вася (из органов) предупредил – над тобой тучи – уступи или сожрут.

Уступать он не стал, и поэтому готовился к отставке. Вот тут-то и вспомнил о Питере и предложении его товарища по ВПШ. Тот уже год занимался производством бетонных блоков для строительства, и дела шли неплохо. Александр ему когда-то посоветовал взять в свои руки этот захудалый завод и, зная напористость и деловые качества Андрея, был уверен – тот поднимет производство и сделает из завода лялечку. И вот теперь Андрюша на очередной встрече настоятельно предложил ему перебраться к нему главным инженером. Андрей тоже понимал, что так долго не будет, как сейчас – наступит перелом, и он будет далеко не в пользу страны. Но бетон будет нужен всегда, главное – не потерять заказчиков, пусть даже мелких. Так что решение Александр уже принял, только был нужен повод мирного ухода с нынешней должности. Этот повод случился в начале 90-го.

...Водитель позвонил снизу, и Александр, аккуратно сложив бумаги на столе, поспешил на улицу. Охрана отдала честь на выходе, а он кивнул на прощание милиционеру. Уже в «Чайке» он опять погрузился в воспоминания.

...Родители приехали под Новый год. Шли зимние каникулы, и Сашка часто пропадал с друзьями на улице – тем более зима в этом году была снежная и не очень лютая. Морозы слабые и частые снегопады, поэтому помог бабушке с утра и вперед – на стареньких, латаных лыжах в овраги кататься. Лыжня от дома вдоль дороги через парк, и вот он – знаменитый овраг. Глубокий и бесконечно длинный. Тут и с крутой горки вниз, и можно с небольшого трамплина сигать и так до самого позднего вечера. Рядом почти всегда вся компания, особенно Ритка. Та не отстает от мальчишек и так смело прыгает с трамплина, с которого Вася боится даже слегка прыгнуть. А Сашка летает – только ветер свистит в ушах. Хотя темнеет быстро, белый снег и звезды с луной еще долго сохраняют сумрак над оврагом. Но все в снегу – и штаны, и шапка, и варежки, ноги ватные – дети плетутся домой. Выбравшись из оврага, лыжи снимают, и Сашка несет свои и Риткины. Снег хрустит под ногами, тишина, и только где-то далеко шум проходящего поезда.

На подходе к дому Ритка обратила внимание на то, что в Сашкином доме горит свет во всех комнатах.

– Смотри, Саш, что-то твоя бабушка иллюминацию зажгла, может, елку наряжает?

– Какая елка – она ее сама не поставит. Я ее в сарае положил, и ставить будем послезавтра, – ответил мальчик, но сердце почему-то забилось быстрее. – Может что случилось?

Отдав Ритке лыжи, он почти бегом ринулся к дому. Весь в снегу, с алыми щеками, он ввалился в дом и сразу попал в чьи-то объятия.

– Попался, медвежонок!

– Папа, мама, вы приехали, – радостно воскликнул мальчик и ткнулся в бородатое, пропахшее дымом папирос лицо отца, тут же его обняла мама, от которой пахло какими-то дорогами, наверное, духами, и мальчишку окутала нежность и доброта, которой ему не хватало здесь так долго. Мама всплакнула.

– Как ты вырос, Сашенька, стал такой крепыш – весь в папу.

– Ну, не реви, – папа деловито осмотрел мальчика с ног до головы. – Он действительно вырос, а характер все-таки твой – тоже нюни распустил!

– Лучше давай покажем ему наши подарки. Только главный – на Новый год!

Сашка разделся, бабушка пошла выбила снег из его пальтишка и шапки в сених, обмела валенки и дала переодеться в сухое белье.

– Весь промок, чертенок, – ворчала она, – кабы не простыл. Ну, да сейчас чай будем пить с малиной.

– И земляничным вареньем, – добавил Сашка. Он всегда помнил, что любят его родители – мамино любимое. – А папе грибы соленые не забудь, ба!

– Так и будет, – улыбнулась бабушка и засемила на кухню.

И пока мама с бабушкой накрывали на стол, Сашка с папой принесли со двора сосну, пушистую, всю в снегу, а по размеру как раз до потолка не достает.

– Паша, вы только елку отряхните в сених, а то все в воде будет, – мама Сашки вставила свои пять копеек в их мужские дела.

– Ладно, Валь, мы все уберем, – ответил ей Павел. – Только это не елка а сосна, тоже мне геолог!

– Да ну вас, мужиков. Делайте что хотите.

Аккуратно подтесав ствол сосны, мужчины установили ее в крест (он пролежал в чулане с прошлого года), и вот она, красавица, в углу зала. Лужи они убирали вдвоем и быстро, чтобы не заругали, и, когда вошли мама с бабушкой, то их глазам предстала картина – красавица сосна, а вокруг нее лазают мужики и что-то крепят, тянут провода. На верхушку они уже надели стеклянную звезду, ну прям как на кремлевской башне. И вот момент, когда бабушка начала говорить об ужине, на сосне зажглись разноцветные огоньки, и красным огнем загорелась звезда на верхушке.

– Ух ты! – Сашка от удивленья не мог слова сказать. Отец подхватил его на руки и закружил по комнате. – Вот тебе и настоящая новогодняя елка! После ужина будем наряжать все вместе. Валя, ты помнишь, куда мы спрятали игрушки?

– Да, там они – на чердаке, полезете с Сашкой сами.

Как-то незаметно Сашку сморило, и он из-за стола попал сразу в кроватку. Мама села рядом, и он еще несколько минут наблюдал, как она с любовью смотрит на него.

– Спи, зайка, засыпай, как я по тебе соскучилась!

Утро морозное, яркое солнце расцвечивает на окнах узоры таинственного леса. Почему-то рисунки всегда тропического леса, пальмы, лианы. Наверное, зима так напоминает, что она ненадолго – лето не за горами. Печка натоплена, так что в доме жарко – это папа постарался. Бабушка на кухне ворчит: дров много и угля истратил. Сашка босиком выскочил в зал и чуть не споткнулся о что-то закрытое сверху простыней. Но колеса выдали.

– Велосипед! Ура-а! – заорал Сашка и первую расцеловал маму. – Спасибо, какой красивый!

– Это папа подбирал, черного цвета «Школьник», как ты хотел, – папа зашел в дом вместе в клубами тумана, с охапкой дров.

– Пап, вот ты молодец, как вы его доперли на самолет, на поезд?

– Ладно, главное – тебе понравился. Насос и причиндалы покажу, они в сумке, там и ключи, и фара с динамой. Все скрутим, и пока по комнате попробуешь, ведь не терпится?

– Конечно, – Сашка поскакал одеваться, и глаза его сияли от радости. На Новый год он решил пригласить Ритку, все равно она дома будет одна, тетка уйдет к друзьям, а ее оставит. Родители не возражали.

И вот он Новый год. Елка (сосна) украшена игрушками, под елкой Дед Мороз и Снегурочка из ваты. Ритка пришла пораньше – к ужину и помогает развешивать по комнате флажки и серпантин. Она нарядная, в красном пушистом платье, с большим бантом в волосах, и Сашка периодически посматривает, как она гибко достает до растянутых ниток и поправляет сбившиеся флажки. Он приготовил Ритке подарок, его он выпросил у родителей на второй день их приезда – кожаный шлем летчика, папа привез их два. Который поменьше – Сашке, а большой себе. Вот его-то мальчик и решил подарить Ритке. Ее родители снова уехали – папа после рейса получил путевку на двоих, и они отправились на курорт...

...– Как же так вышло, что мы с Ритой расстались после школы и больше не виделись? – Александр никак не мог вспомнить этого момента. – О, на втором курсе я приехал в отпуск, и мы виделись. Но у нее был ухажер, какой-то курсант военный, и мне показалось, я стал ей безразличен. А потом было письмо ее, и я не ответил, а там было почти – люблю. Вот идиот, – отругал он сам себя. – Так, а что же с ее мальчиком? Нужно с ним поговорить.

Машина затормозила возле дома, где он жил, и, попрощавшись с водителем, Александр Павлович поднялся на лифте в свою квартиру, где его уже ждал с нетерпением папа. Павел Васильевич всегда ждал сына с работы и не ложился спать, пока тот не придет, пусть это и за полночь. Александра немного это раздражало, и он пытался как-то дать понять, что он давно вырос и сам за себя отвечает. Но отец все равно упорно ждал его, и это накладывало ответственность на сына.

Павел Васильевич всегда интересовался делами Александра и давал советы, которые действительно иногда были полезны, и за это Александр был ему благодарен. На папе была обязанность гулять с котом и собакой, кормить их и следить за их здоровьем. А домашние дела лежали на домработнице – Глаше. Женщина лет пятидесяти, она как-то сразу вписалась в их житье, и теперь без нее было много неудобств. Глаша готовила, накрывала на стол, стирала и сдавала в стирку белье, убиралась в доме и гладила и главное – напоминала Павлу Васильевичу о приеме лекарства, смотрела, по сезону ли тот оделся, собравшись с собакой на прогулку, и мыла собаке и коту лапы после улицы.

Глаша советовала Александру, что надеть на то или иное мероприятие, и следила за тем, чтобы его не беспокоили дома телефонными звонками. Приходила она в 06:30, как часы, а уходила поздно вечером. Выходной у нее был один в неделю – воскресенье. А жила Глафира Семеновна на Ордынке – недалеко от своих хозяев. Жила она одна – дочка вышла замуж за военного и теперь жила где-то на берегу Амура. В гости к ней они ездили раз в два года. А главное – характер у Глаши был до того спокойный, что даже во взбешенном состоянии после разноса руководством Александр при виде ее быстро остывал и переключался на семейные дела. А их домработница находила всегда вовремя.

Такая размеренная жизнь с моментами на болезни и командировки вполне устраивала Александра, он знал, что дома его ждут, и он кому-то нужен. Кот Пузик и собака неизвестной породы Астра тоже ждали его прихода, и едва он садился в кресло, чтобы расслабиться, как тут же кот был на коленях, а собака у ног тыкалась мордой. Александр с удовольствием поглаживал питомцев и слушал сидящего напротив в кресле отца о его сегодняшних прогулках и общений с друзьями. А таковых у него было трое – все они были пенсионеры и геологи в юности. Встре-

чались редко, но долго не могли расстаться, понимая, что только между собой они находят понимание, и, как им казалось, только их мнение было во всех вопросах верное. Может, так оно и было, ведь юности некогда оглянуться назад и пристально посмотреть на уходящие вдаль годы, а что там осталось, что ценного ты сделал, что понял, осмыслил. Юность зовет вперед, а жизнь, конечно, это миг сегодня, прошлое остается там – за горизонтом, а вот будет ли завтра – кто знает. Но юность скачет вперед, даже не задумываясь о брэнном. Наверное, это и хорошо, но память прошлого должна быть где-то в глубине мозга, иначе ты пустышка.

Александр уважал отца, и понимал, что он нуждается в его общении – в этом его смысл существования. После смерти жены, папа стал похож на старичка, хотя только недавно стукнуло 67. Особенно сын старался быть рядом с папой в дни памяти мамы. Глафира Семеновна к этим датам готовила особенно вкусно и старалась незаметно уйти из дома, чтобы не мешать воспоминаниям. В поминальный день они с папой ехали на кладбище, на могилу мамы, а перед этим наводили там порядок, проявляя деловитость и заботу. Там они почти не разговаривали, просто сидели на скамеечке и молчали. Потом дома, выпив вина, они долго листали альбомы, иногда Александр ставил на просмотр старые киноленты. Мамин портрет смотрел на них с любопытством, и они чувствовали, что она где-то рядом. Кот и собака тоже вели себя тихо, как будто понимали хозяев.

Конечно, в жизни Александра были женщины, и иногда они какое-то время даже жили в его квартире, н а правах почти жены, но как-то быстро все проходило, и расставание было неизбежным. Почему так было, наверное, вина Александра – почти все время на работе, дома режим, рано утром с водителем он уезжал и часто возвращался за полночь. Иногда выдавались выходные. Но этого было мало для семейных отношений. Детей на стороне он не завел, а очень хотел, чтобы в его жизни что-то изменилось, да и отец почти требовал остепениться и подарить внука или внучку. Друзья советовали то одну даму, то другую, но все это было Александру не то, он чего-то ждал.

И вот Рита, как снег на голову, такая же красавица, и все вспомнилось – и первый поцелуй, и катание на мопеде, подаренном родителями в 9-м классе. Он купил для Риты еще один шлем, и они гоняли по новому асфальту улицами села допоздна. «Почему я сглупил тогда, ведь так все было хорошо?» – думал Александр, упав в кровать на спину и закинув руки за голову. Папа очень обрадовался рассказу сына о встрече с Ритой. Он был взволнован и рад тому, что родители Риты в здравии и живут в родном селе.

– Обязательно поедem летом на родину – планируй на недельку. Мама была бы рада такой поездке, – отец по рассказу сына понял, что Рита для него значит многое. Но, стараясь не спугнуть, он смолчал о своих подозрениях. – Пригласи Риту с сыном к нам в гости, Глаша приготовит что-то вкусненькое, да и сыну ее нужна поддержка, тут и поговорим.

– Хорошо, папа, давай спать – мне завтра рано, – тихое шарканье тапочек возвестило об удалении родителя в свою спальню. Перед закрытыми глазами Александра стояло лицо улыбающейся Риты, и ему показалось, она что-то сказала, на этом он заснул крепким сном здорового мужика.

А утро уже звало в дорогу, Глафира Семеновна критически осмотрела костюм Александра и, поправив ему галстук, благословила. Утренняя Москва мелькала за окнами машины, пробок нет – раннее утро давало возможность довольно быстро домчаться до работы. Водитель передал ему коробку сигар, которую он просил приобрести вчера – подарок на день рождения его куратору из Политбюро – страстного курильщика.

– К Вам сегодня двенадцать человек записалось – всех примите? – Маша прекрасно знала, что Александр Павлович будет принимать до последнего человека на приеме, и только срочный вызов в ЦК или выше может прервать его работу с людьми.

– Покажи мне список, пожалуйста, – Александр быстро просмотрел его и остановил свой взгляд на фамилии, которая ему что-то напомнила. – Маша, а кто это вот пятый в списке?

– Это какой-то молодой человек, в костюмчике и с дипломатом.

– Так-так, очень хорошо. Через минут пять приглашай по списку, – Александр откинулся в кресле и улыбнулся, этот мальчик – сын Риты. – Интересно, о чем я буду с ним беседовать? Ладно, по ходу придумаю, как себя поставить.

В открытую дверь вошел быстрыми шагами энергичный человек лек под сорок и без приглашения присел на кресло за столом. Одет он был в явно заграничный костюм, из дорогих, и на руке Александр заметил дорогие часы «Кортъе».

– Добрый день, будем знакомы – Александр Павлович, а как зовут Вас, уважаемый? – начался прием граждан.

Часа через полтора в кабинет вошел робкими шагами молодой парнишка в костюмчике, с дипломатом.

– Извините, я от Маргариты Григорьевны, я Ваня, – Он с любопытством рассматривал Александра и его кабинет. Видимо, на молодого человека произвели большое впечатление – и этот огромный кабинет, где все говорило о значимости дел, решаемых в его стенах, дорогая мебель, портреты вождей, видеодвойка и куча телефонов, два из которых были с наклеенными на них гербом СССР.

– Присаживайтесь, прошу Вас, может, чайку или чашку кофе? – Ваня с удивлением посмотрел на Александра, потом тихо произнес: – Если можно, то чай. – Маша, принеси нам по чашке чая, пожалуйста!

Через минут пять они пили чай, и уже не было напряжения в общении. Александр Павлович рассказал мальчику о том, как интересно сегодня работать в промышленности, как много можно достичь и в дипломатической работе. Повидать страны и познать жизнь других народов, наконец, можно быть архитектором и проектировать дома и тоже добиться успехов и известности. Ваня почти не прерывал рассказ Александра, но тот видел – у парня есть свое мнение и его сложно перебороть.

– Ну, а что вы, молодой человек, мне скажете?

– Да я все понимаю, маме не хочется, чтобы я от нее куда-то уехал, но ведь учиться я буду в Москве, а вот потом уже куда направят. Понимаете, Александр Павлович, я хочу всего добиться сам, как мои родители, как папа, да и мама. Я прекрасно понимаю, что судьба военного опасна более, чем любая другая. Но у меня есть мечта – добиться много на военном пути, и я уверен, так и будет, – он улыбнулся. Так что я выполнил мамину просьбу, и мне действительно очень приятно с Вами побеседовать. Думаю, Вы понимаете меня, как все пояснить маме – не знаю, – он пожал плечами и совсем по-детски посмотрел на Александра. Тот был как бы ошарашен таким напором парня и, помолчав, решился.

– Знаешь, Ваня, я постараюсь с твоей мамой поговорить, думаю, вместе мы сможем ее успокоить. А в какое училище ты собираешься?

– В Верховного Совета, документы я уже подал, в июле экзамены.

– Хорошо, передай привет маме, но не говори, что мы решили. Позвони мне на той неделе, – Александр встал из-за стола, парень тоже быстро поднялся, как-то по-военному. – Уже и выправка есть, – про себя отметил Александр. Он протянул Ване руку и крепко ее пожал.

– Спасибо Вам, – сказал паренек, – до свиданья, я обязательно позвоню, – он быстро зашагал к выходу.

Глава 4 Остаться человеком непросто

Над страной повисла туча под ударами молний, из которой начались трагические события. Туча направлялась извне, это было понятно всем, но никто не сумел остановить развал Союза, сработала бомба – национальная рознь. То, чего не допускали много десятилетий,

вылезло наружу, и вот уже республики Средней Азии, Закавказье и Прибалтика уходят из СССР. А тут и Украина с Беларусью отползли в сторону. Все – Беловежская Пушча поставила крест на Союзе. Нормальные люди не противились, а если и совершали какие-то акты противодействия, то это было не массово. Постреляли в Москве один раз, потом еще разок, и все. Основная масса простых людей рыскала в поисках заработка. Кто-то ездил за кордон в Польшу, Турцию, Румынию и Китай с товарами «ширпотреба» (напильники, чайники, электрообогреватели, матрешки и еще разная всячина). А оттуда везли доллары, и необычные для нас товары – кожаные куртки, люстры, дубленки, пуховики.

Многие предприятия встали. Другие передались чудесным образом каким-то предпринимателям. И все это с легкой руки правителей. Кооперативы росли, как грибы. Власть и хитроухие готовились к капитализму – и он наступил обязательно! Родственники властителей и к ним приближенных стали собственниками рентабельных предприятий, сырьевые ресурсы постепенно отошли большей частью в управление частных лиц. Все продавалось и покупалось – заводы и фабрики, совхозы и колхозы. Появились и новые бандюки – рэкет. Страна вступала в фазу звериного капитализма.

Александр сумел добиться своего перевода на должность ниже, и не на такую ответственную в Питере. Он долго обхаживал своего руководителя из Политбюро, уже старого, больного человека. Он организовывал ему отдых на Кавказе, дружил с его супругой, тоже уже женщиной в возрасте. А главное – он нравился дочке этого партийного бонзы – уже в годах незамужней страшилке. Александр не давал повода для отношений, но его помощь во многих делах семьи была заметна и оценена. Старый руководитель не раз заговаривал с Александром о его холостяцкой жизни и просил присмотреться к своей дочери. Саша соглашался, но частых встреч с этой особой избегал. Избалованная, помятая, вечно с сигаретой в зубах и любительница выпить и гульнуть дня на четыре с компанией, она никак не могла его прельстить и заставить ухаживать.

Наконец, его перевели в Ленинград на должность директора одного из мощных судостроительных заводов. Предыдущий ушел на пенсию. Александр принял дела, разобрался, что к чему, понял, что финансирование сокращается и намного, что заказы на строительство судов отсутствуют, а уже заложенные суда, дай Бог, достроить. Основное внимание он определил заказам из-за рубежа и оборонке. Буквально на последнем дне, когда уже никакие средства не давались заводам, кроме как на зарплату, он, пользуясь своими связями, выбил для своего предприятия достаточно большие деньги, чем сразу заслужил уважение и рабочих, и ИТР. Квартира ему понравилась и по наследству ему досталась домработница – не хуже Глаши, та категорически не захотела переезжать из Москвы. Папа не противодействовал Саше. Он понимал, что так будет лучше, и приговаривал: «Падать будет ниже!» Тем более что в Питере у него были двое однокашников по институту.

Звонок застал Риту за подготовкой нового репортажа из Ташкента.

– Але, я слушаю Вас, – голос приятно взволновал Александра.

– Привет! Как дела? Чем занята? – Рита быстро ему все рассказала, заметив в зеркало, как покраснели щеки. «Ну вот, дура, и втюрилась», – подумала про себя.

– Как сын, уже второй окончил? – Александр всегда ее спрашивал о парнишке, он ему действительно понравился своим характером и целеустремленностью.

– Да, ты знаешь, я уже привыкла, хотя первое время после его поступления была на тебя рассержена. В ы меня вдвоем уболтали тогда. Да ладно, все хорошо. Учится отлично, спортсмен, дома бывает редко, но я иногда навещаю. В это лето с друзьями собрался на Неву.

– А когда у тебя отпуск, – спросил Александр. На другом конце провода воцарилось недолгое молчание.

– Думаю, в августе, если шеф не передумает, ты ведь понимаешь, нынешние времена, без работы можно остаться враз.

– Хорошо. Рита, у меня предложение – ведь у твоего сына отпуск тоже в августе. Давай увидимся в Питере в это время. Я тебе сделаю путевку в Сосновый Бор. Отдохнешь там и пообщаемся, – он специально не стал говорить о своем переезде. Рита уже знала, что его с руководства сняли, но где он теперь, она не знала, а спрашивать боялась.

– Хорошо, я «за», извини, мне нужно работать, а то не успею.

Пожелав ей удачи, Александр стал продумывать программу их встречи. К этому располагал и теплый весенний вечер, и удовлетворение от произошедшего разговора с человеком, который ему стал так дорог.

Новая домохозяйка, женщина средних лет, Ольга Васильевна пригласила его и папу на чай. Она не стала менять распорядок дня, который был установлен предыдущим хозяином, да и Александр не протестовал. Вечерний чай в 20:00, обязательно с какими-то печеньками, изготовленными Ольгой. Павлу Васильевичу Ольга пришлось по душе. Ну, во-первых, она тоже Васильевна, во-вторых, очень живая, быстрая, все успевает, и главное – может иногда послушать его рассказы о работе в геологической партии, при этом продолжая готовить что-то или убирать. Мало того, она успевала еще и вопросы задавать. Сначала Павел Васильевич думал, что Ольга из вежливости терпит его воспоминания, но потом убедился, что она вникает и помнит, о чем речь, и когда он забывал, на чем остановился, та ему напоминала. В общем, эта симпатичная женщина, шатенка, постриженная «Сессен», пришла ко двору. С мужем они развелись много лет назад, а детей не успели завести. У нее были только племянники, двое – девочка и мальчик. О них она и заботилась в свободное от работы время и ими очень гордилась.

...Завод, получив финансовое вливание и пару заказов оборонки, заработал если не в полную силу, то на 50 % мощности точно. Александр сумел сохранить кадры и технологии. Его часто видели на производственных площадках, на стапелях, в цехах. Жесткий к нерадивым и умеющий поощрить добросовестных и высококлассных специалистов, он быстро создал атмосферу красивой работы. Но это уже наверху никому не было нужно, там грезил капитализмом, наживой, обманом и полной апатией к сохранению могущества государства.

Многие из КГБ, партийные боссы, уже занимали кооперативы и свои собственные цеха, а кто и не занимал, тот ловко приторговывал заводами и фабриками. Многие стали посредниками в сделках по нефти, зерну, руде да еще многим направлениям. Его Величество Доллар заразил основное население страны спекуляцией, и это уже было не постыдно, а как само собой. Александр чувствовал, что долго он здесь не продержится. И хотя и жалко было завод и людей, он не мог противостоять тем черным планам, которые воплощались в жизнь шаг за шагом. Вася – его товарищ, предложивший когда-то ему должность на своем кооперативном производстве, при встречах не уставал напоминать. Он заматерел, построил себе дачку в три этажа на Невке, у него появился новенький «Фольксваген» и четверо дюжих молодцов – охранников из КГБ. Костюмы он заказывал от «Кардена» и жена его Наташа одевалась под стать актрисе Голливуда, благо и сама была красотка.

Александр как-то не страдал вещиизмом и стремлением к обогащению, но иногда хотелось вот так с шиком повезти папу, например, на Поклонную 9 мая в шикарном авто. На прежней своей должности он редко пользовался служебными авто в личных целях. Да и квартиру уже надо иметь свою собственную. Начало 90-х показало, куда поскакала страна, и больше Александр не мог ничего пробить для завода – ни денег, ни снабжения. Два года борьбы за выживание его не то что бы сломили, а как-то уменьшили, сделали серой мышью, которая еще огрызнулась, но зубы уже сточила. Как-то вечером дома он попросил папу поговорить с ним. Он принес бутылочку хорошего вина, и они сели за «вечерний чай» Ольги Васильевны. Отец слушал его молча, потягивая вино из бокала и периодически кивая головой. Сын выложил ему все, что накопилось у него за все это время. И про завод, и про Васю, и про то, что он очень хочет увидеться с Ритой. Ольга, понимая важность беседы, не приняла участие в чаепитии, а просидела на кухне, смотря маленький «Шилялис».

– Саша, ты не оправдывайся, все уже произошло. Думаю, ты и решение-то уже принял. Но спасибо, что со мной делишься. Ведь никого у нас с тобой роднее нет. Думаю, мама бы тобой и сейчас гордилась. А что подумают – плюнь на них, они там давно совесть потеряли и все продали и пропили. У меня к этим перевертышам одна ненависть. Но у них сила, и нужно это понимать. А у Васи тебе главное – остаться человеком, а не сволочью стать, думаю, ты на подлости не способен. Так что мое тебе благословение, сын, – Саша встал, обнял отца и тут вспомнил: – А где Ольга Васильевна? Идите к нам, у нас есть, за что поднять бокалы, и Вас это тоже касается.

Глава 5

Все просто

...Ольга осталась работать в семье Лапиных, хотя это решение досталось ей нелегко. Проработав много лет в семье одного директора, потом вот у другого, она не сразу решила остаться служить «новому русскому», да и как будет с оплатой – вдруг у Александра не будет стабильного заработка. Но, поразмыслив и поговорив с братом, она решила пока остаться, а там будет видно. Да и привыкла за эти годы к этому неполному семейству. И Павел Васильевич был ей по душе, и Александр Павлович был человек вежливый и добрый, с ними было легко. «Будь что будет», – решила она и объявила об этом через пару дней Александру.

– Ну вот и хорошо, спасибо Вам, Ольга Васильевна, – Александр действительно был рад решению Ольги, и отцу будет легче, и дома будет порядок. Наверное, особенно этому радовались кот Пузик и Астра. Ольга Васильевна была их кормилицей и защитницей.

Началась новая история России и с ней новая жизнь Лапиных. Александр пропадал допоздна на работе, часто был в командировках по бывшему Союзу, и постепенно все, как говорится, утряслось, вошло в ламинарный режим. Продажи, реклама, новые вложения в другие виды деятельности, договоры и, конечно, деньги. Они как-то незаметно стали большими, и их уже не только хватало, но уже можно было многое позволить. Например, папе поставили новые зубы, поменяли мебель в квартире, купили дачку под Питером. Поменяли машину на новый «мерс».

И вот что главное – встреча Александра с Ритой и ее сыном. Как и было обещано, в августе Рита приехала по путевке в санаторий под Ленинградом, а Ваня приехал с ребятами туристами. Где-то на пятый день по приезде Риты Александр навестил ее ненадолго, он приехал с водителем на служебной «Волге», подарил цветы и пригласил на свидание в ресторан на Васильевском острове, недавно открытый его шефом. Договорились, что туда приедет и Ваня.

Накануне встречи Александр волновался, как мальчишка перед первым свиданием. Он не знал, что надеть, как себя вести, что сказать. Но постепенно под воздействием успокаивающих разговоров Ольги Васильевны и советов его товарищей – Васи с Наташей – пришла уверенность и спокойствие.

Он приехал в ресторан заранее, шел морозящий питерский дождик, и Александр стоял в фойе с букетом белых роз с зонтиком, ждал гостей. Они приехали на такси ровно в 18:00. Ваня вышел первым и, как галантный кавалер, подал маме руку. Александр принял от него эстафету и, взяв Риту за руку и укрыв зонтом, провел в зал. Рита улыбалась, и ему показалось, что она давно поняла, зачем это приглашение на встречу. Александр еще раз убедился, как эта женщина красива, элегантна и так ему близка. Шампанское, коньяк, разные оригинальные закуски, фрукты все было накрыто со вкусом и изысканно. Ваня сначала стеснялся, но потом, немного пригубив вина, осмелел и по-военному начал пробовать все, кроме спиртного – больше фужера мама не позволила. Он с удивлением смотрел на маму и дядю Сашу, которые взахлеб рассказывали друг другу какие-то им только известные истории из детства, хохотали, и было видно, что им хорошо. Немного это Ивана коробило, но он понимал, что маме трудно

быть одной, может быть, пусть так и будет. Да и дядя Саша неплохой человек, не задрал нос от своей должности, прост в общении и маму явно любит.

Ваня отвлекся на музыку, которая зазвучала со сцены ресторана. Небольшого роста худенькая девушка запела новую песню, и так как их столик был прямо напротив сцены, Ваня почти в упор рассматривал ее. Большеглазая синеокая шатенка ему сразу понравилась, надо сказать, что пела она оригинально, необычно.

– Для вас поет наша звездочка – Ирина Покровская, – объявил конферансье и удалился, а на сцене зазвучала новая музыка.

– Давайте поговорим начистоту, – голос Александра прозвучал в момент музыкальной паузы, – я пригласил вашу семью для того, чтобы сделать Маргарите предложение – стать моей женой. Я понимаю, что это звучит сейчас неожиданно, но я так решил и теперь жду вашего решения, – Александр замолчал и, положив свои руки на стол, прямо глянул в глаза Риты. Та смело смотрела на него, улыбаясь.

– Да я давно все поняла, Саша. И, конечно, согласна, и с Ваней мы об этом говорили, – Рита положила свою руку на руку Александра, тот поднял ее и поцеловал.

– Ну вот, торжественная часть прошла, и я могу вас покинуть, оставив свое благословление, – Ваня улыбнулся и пожал руку Александру. – Не думаю, что сразу привыкну, но Вы мне понравились еще тогда – в Москве, – он поцеловал маму и быстро ушел.

– Сегодня ты у меня дома – очень прошу, – Александр сжал сильно руку Риты. – Представимся папе и остальным домашним, в том числе коту и псу, – Рита рассмеялась, и он нежно поцеловал ее, прямо как тогда, на речке, на выпускном. Они помолчали минуту и, рассчитавшись, ушли в дождь на улицу.

– Мне с тобой хорошо, как-то надежно. Просто я привыкла все сама уже много лет. А тут забота и все такое. Пока не привычно, но так приятно, – она прижалась к нему, он почувствовал ее трепет.

– Такси, – он остановил машину и, пропустив Риту, уселся рядом с ней на заднее сиденье. Пожилой таксист, повернувшись, спросил: – Куда едем? – Александр твердо сказал: – На Литейный.

Девяностые летели со скоростью горячих жеребцов. Постепенно наладилась жизнь, пусть не сильно надежная для многих, но с работой, учебой, свадьбами и рождением детей и многими другими мелкими деталями, без которых нет смысла жизни. У кого-то она, эта жизнь, простая, у кого-то сложная, но сложности ее есть у всех. И, собственно, что такое простая жизнь? Это спорный вопрос – работа, домашние заботы, дети, горести, удачи, радости, деньги, их отсутствие, любовь! Да вот любви в семействе Лапиных было много. Много-мало, в общем, она была и есть! Папа Саши в Рите души не чаял, а Ванечку полюбил сразу и навсегда. Тот тоже почувствовал какую-то тягу к деду и никогда не пренебрегал его общением. А Павел Васильевич многое что рассказал молодому человеку – и как выживать в тундре одному, и какую траву заваривать вместо чая, и где в тайге укрыться от зверья, как не сгореть в пустыне и где найти воду.

Ваня окончил училище с отличием и теперь служил в Таджикистане. Заместитель начальника пограничной заставы, старший лейтенант, раз в году приезжал в гости. Рита работала на телестудии в Питере, а Саша все так же продолжал бизнесменить на бетонном заводе. Как-то все текло тихо и мирно. Дважды они с Ритой побывали в Европе, один раз в Китае, там и встретили новое тысячелетие. Павел Васильевич сошелся с Ольгой Васильевной. Это произошло как-то незаметно и как-то само собой. Они просто пришли вечером из кино и объявили детям о своем решении. Александр купил им рядом квартиру, и теперь появилась возможность ходить в гости. С собой новоиспеченная пара забрала кота и собаку – так им захотелось, да те и не возражали. Александр немного погоревал, но папе живность была нужнее, и все прошло. Теперь у них с Ритой появилась возможность чаще приглашать друзей к себе и выезжать

с ними на дачу. Зимой они рванули в Австрию на лыжный курорт с шефом и его супругой, спортивную форму ни Рита, ни Саша не теряли, и спорт занимал у них немало места. Но сложности как-то незаметно всегда подкрадываются и никуда от них не деться.

Ваня, прослужив на заставе в Таджикистане три года, был направлен на Дальний Восток принимать заставу. Он приехал перед убытием на новое место на несколько дней в Питер. Александр и Рита были несказанно рады этой встрече, они еще не знали, что их ожидает через пару дней. Красавец Иван в форме и с погонами уже капитана на следующий день, хитро посмотрев на своих родственников, сказал, что сегодня его не будет – он у друзей, а вот завтра он заглянет к ним вечером не один. Саша с Ритой понимали, о чем идет речь, каждый отпуск Иван встречался с девушкой, которая работала недалеко от их дома в книжном магазине. Рита специально заходила туда посмотреть на избранницу сына, и она ей нравилась – и небольшого росточка, светлые волосы, стройная и большие голубые глаза. А особенно голос – нежный и какой-то виноватый. На бейджике у нее на кофточке Рита прочла «Менеджер по продажам – Зинаида Ефремовна».

– Вот так Зина – хороша, – Рита поделилась своими наблюдениями с Сашей. Тот, смеясь, посмотрел на жену и сказал, что он смотреть не пойдет, он ей доверяет. Ваня не знакомил их с Зиной, и они его не торопили.

Вечером следующего дня дома был накрыт праздничный стол, Рита и Александр после работы все успели, да и Ольга подошла помогать. Нарядные, они уселись на диван ждать гостей, немного волнуясь. Те не заставили долго ждать. На пороге стояла парочка – он метр девяносто и хрупкий стебелек где-то под метр шестьдесят. Девушка смущенно произнесла:

– Здравствуйте!

– Это моя Зиночка, – Ваня весь светился от удовольствия, глядя на девушку.

– Проходите, проходите, дорогие гости, – засуетилась Рита.

На девушке было красивое облегающее темное платье, под тон платья красивые вечерние туфли. Рита отметила – есть хороший вкус. Когда все расселись за столом, Ваня встал и торжественно, с волнением в голосе произнес:

– Ну вот, дорогие мои, мы с Зиной уже сутки как муж и жена. Мы так решили. Зина едет со мной на Дальний Восток. Если не возражаете, то небольшую вечеринку мы сделаем послезавтра в кафе «Парус». Там познакомьтесь с родителями Зины и нашими друзьями.

– Как не ожидали и готовились – все равно было неожиданно. Да, конечно, мы «за» и примем участие в подготовке к торжеству обязательно.

Ваня представил Зине маму и Александра.

– Он о вас мне много рассказывал, и я вас такими и представляла, – девушка улыбнулась.

– Ну, за ваше счастье! – Александр, увидев слезы на глазах Риты, поспешил с тостом.

Родители Зины жили в Ленинградской области в небольшом поселке и были простые люди, не богатые, но работающие и дружные. С ними было легко и просто в общении, и как-то быстро сваты стали нашим героям близкими людьми. Через два дня Ваня и Зина с двумя чемоданами улетели во Владивосток, а оттуда на дальнюю заставу, где им предстоит нести службу несколько лет. Для родителей Зины это было тяжелое расставание, ведь так надолго дочь никогда не уезжала, поэтому общение сватов и по телефону и по праздникам смягчало расставание.

Годы идут. И хоть говорят – времени не существует, как-то нужно отмерять прожитые годы – вот и отмеряем. Александр нашел свое счастье в Рите и ее сыне. Теперь добавилась невестка и, возможно, скоро внук. Забота о них стала его обязанностью, приятной во всех отношениях. Бизнес позволял делать приятное – и папе с его Ольгой Васильевной, и жене, и Ване с Зиной. Строгий на работе, Саша отдыхал дома душой, и Рита чувствовала, как ему приятно быть с ней. Она не забыла первого мужа, но Саша так деликатно обходил ее прошлую жизнь, что она никогда не услышала что-то, что ее бы оскорбило или опозорило ее память. Они

прошли много сложностей, и жизнь не стала проще. Но это была их жизнь, жизнь их детей, с памятью о прошлом и, конечно, с верой в будущее. Пожелаем им всем удачи. Думаю, подобных историй вокруг много, стоит только приглядеться.

Здравствуйте, Боги

(Посвящаю моим дочерям – Наташе и Лене)

Люди – как звезды в бескрайнем Космосе. Звезды обдают ласковым, мягким светом друг друга, то обжигают вспышкой, то сталкиваются, не уступив дорогу, то посылают в соседей камни, как это похоже на людей. Бескрайна Вселенная, все там устроено по малопонятным законам, как малопонятно, что происходит с людьми на Земле, этой пылинкой в Бесконечности.

Беспредельна и мысль человека – она уносит его к далеким галактикам, к стремлению понять сущность мира, земного и иного. Как и звезды, люди рождаются, мчатся по дороге жизни и угасают, кто тихо, кто вспышкой, которая еще долго одних пугает, других будоражит и вдохновляет на удивительные поступки и решения.

(Автор)

Глава 1 Навстречу мечте

– Это невозможно, – произнес Рик и весь замер, ожидая возражения и даже откровенную ругань от профессора Веллера. Однако все вышло по-другому. Тот многозначительно покашлял и внимательно поглядел на студента, как бы оценивая, что еще может отчубучить этот нахал, поставивший под сомнение его, уважаемого профессора, научный труд.

– Вы, молодой человек, несколько поторопились с такими выводами. Я ведь не претендую на постулаты или слепую веру в идею существования Нибиру. Просто есть масса косвенных доказательств ее существования. Но если Вы желаете мне официально предложить свое мнение – милости прошу на заседание нашего университетского клуба в пятницу.

Аудитория слегка пошумела, кто-то хихикнул, но под взглядом Веллера все смолкло. Все знали нудные речи профессора на заседаниях в клубе, куда он добровольно-принудительно приглашал студентов, чтобы поведать им какие-то интересные вещи о новых веяниях в научных теориях, о звездах и иных мирах. Он, конечно, понимал, что молодые люди знают практически все, что он им рассказывает, но это был его крест, и он его нес и был уверен, что таким образом авторитет его среди студентов и преподавателей укрепляется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.